

Руслан Штерн

Призма

Руслан Штерн

Призма

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Штерн Р.

Призма / Р. Штерн — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2558-2

Героя книги преследуют воспоминания о событиях, которые с ним никогда не происходили. Что это? Память о прошлых жизнях? Нет, - чересчур реальные. Частичная амнезия? Отголоски параллельной реальности? А можем ли мы изменять реальность или хотя бы влиять на нее? Это далеко не все вопросы, которые возникают во время чтения книги «Призма». В ней есть и приключения и преступления, и таинственные события и исторические факты. И даже эзотерика. Скучно не будет, это точно!

ISBN 978-5-5321-2558-2

© Штерн Р., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1. Начало конца.	7
Глава 2. Муравей.	9
Глава 3. Семейная реликвия.	22
Глава 4. Тайна Нарвского Замка.	29
Глава 5. Предсказание.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

От автора

Когда я закрываю глаза и погружаюсь в сон, ко мне являются тысячи лиц людей, которые давно покинули эту жизнь. Они приходят для того, чтобы поведать свои истории. Поверьте, им есть, что рассказать. Я никогда не признавал эзотерику, всегда был далек от религий и уж тем более считал бессмысленным бредом идеи вроде реинкарнации. Я с сарказмом отвечал людям, повествующим мне о событиях, которым они приписывали мистический характер. Однако после смерти отца, все изменилось: меня стали посещать вещие сны, которым я не мог найти объяснения. Один из таких я однажды поведал сестре. Сон был неприятным, я опушу его подробности, дабы не испугать читателя в начале книги, цель которой вовлечь в череду интересных, фантастических историй разных людей, переплетенных между собой и образующих повесть, включающую в себя жизнь нескольких поколений героев. Хочу заметить, что на следующий же день сон сбылся, причем в мельчайших подробностях. Я не придавал этому значения и даже не обратил внимания на столь удивительный факт, но сестра отозвала меня в сторону и с испугом в глазах констатировала, что сон был вещим, что все случилось так, как я и рассказывал ей вчера, сидя в вагоне поезда.

В это трудно поверить, но ко мне во сне всё чаще и чаще стали приходить люди, и не только те, которых я когда-то знал, но и другие, о которых мне ничего не было известно. Они пугали меня своим присутствием, я боялся ложиться спать, просыпался ночью, читал «Отче наш» и засыпал снова, чтобы опять встретиться с ними...

Так продолжалось недолго, в какой-то момент я переборол свой страх и начал задавать им вопросы. С тех пор все изменилось. Теперь я свободный от страха человек, и знаю немножко больше, чем все остальные. Мне легко жить, я ничего не боюсь в этом мире, и у меня в голове миллионы историй и тайн, пронизанных интригой, мистикой, комедией и драмой, которые так и просят, чтобы я вывел их на свет Божий. Эта книга – только начало. Ну что? Поехали!

Пролог

Воспоминания имеют свойство искажаться. Порой нам кажется, что мы точно помним событие, произошедшее с нами много лет назад, когда воспроизводим в голове яркую картину прошлого. Допустим это так, но нельзя исключать и того, что, возможно, этого с нами не происходило вовсе, или все же происходило, но по истечении времени мы рассматриваем произошедшее иначе, как луч света, входящий под одним углом призмы, а выходящий совсем под другим углом. Вся наша жизнь – это всего лишь цепь случайностей, которые мы восприняли определенным образом и сохранили у себя в голове, присвоив файлу имя и закрепив его, как константу. Все вокруг меняется, перемены оказывают влияние на наш разум и сознание, порой мы не готовы со стопроцентной вероятностью отвечать за адекватное восприятие настоящего, а уж тем более давать четкую оценку минувшим событиям. Быть может, файл, сохраненный в нашей голове, стерся, или умирающие клетки регенерировали и изменили свое строение, что привело к искажению имеющейся информации.

Человек – странное существо: власть его разума безгранична, полет фантазии бесконечен, реальные возможности недооценены. Известны случаи, когда дети шокировали окружающих своими заявлениями о прошлой жизни, выдавая при этом реальные факты из жизни человека по имени N, проживавшего в городе S. А что, если наш мир и все, кто его населяет, это звенья одной цепочки? Что, если все мы – это одно целое, и составляем единый организм? Это в силу своей ограниченности человек не может постичь тайны Мироздания и открыть смысл своего существования, который ищет тысячи лет.

Когда мы задаемся вопросом, что было бы, если бы я поступил иначе в той или иной ситуации, есть вероятность, что где-то в параллельной вселенной ситуация повторилась, и ваш двойник также сделал выбор, но другой. Возможно, проснувшись однажды утром, вы вдруг вспомните это событие, но через призму второго «я», и увидите результат «другого» выбора, пусть даже самого незначительного.

Глава 1. Начало конца.

*"Единственный смысл жизни человека – это
совершенствование своей бессмертной основы.
Все другие формы деятельности бессмысленны
по своей сути, в связи с неотвратимостью гибели".*
Л.Н. Толстой.

Я понял, что уже жил, не знаю на этой Земле или другой, в прошлом или будущем, скорее всего в будущем, но понял точно, что жил.

Первый раз я осознал это осенью 1998 года, когда мне было десять лет. Я родился в глухой деревне и не видел ничего, кроме тайги, деревенских людей и их домашней живности, а про существование внешнего «большого» мира узнавал из старого черно-белого телевизора. Лишь редкие поездки в детские лагеря и районный центр давали мне возможность познакомиться с чем-то новым, необычным и узнать, что есть люди, которые общаются как-то иначе, имеют другие привычки и образ жизни, да и вообще, все у них по-другому. Однажды, в один из самых обычных дней, в моей голове возникло странное воспоминание, которое либо перечеркивало всю мою жизнь, либо наделяло ее каким-то новым, мистическим смыслом. Я с энтузиазмом стал рассказывать о нем родителям, но они всего лишь улыбались мне в ответ и удивлялись моей чересчур игривой детской фантазии. И только я чувствовал, что это не просто игра воображения, потому что она не могла быть такой реалистичной. Я полностью был уверен в том, что событие, которое вдруг возникло в моей памяти, действительно когда-то со мной произошло, но вот когда... Итак, видение было таким.

Мне три-четыре года. Длинный широкий перрон, вокруг бетон, мрамор и циферблаты. Люди гуляют, не спеша, и даже электропоезд едет чуть слышно и медленно. Двери поезда открыты на момент остановки и движения вдоль перрона. Я по-детски счастлив и непоседлив. Отец заходит в вагон, держа крепко мою руку. Его лица я почему-то не помню, но помню родной и добрый запах, больше ничего. Поймав момент, когда он разжал руку, я выдернул свою и с криком: "Папа, папа, смотри, как я могу!" – начал резко забегать и выбегать из вагона во время его движения. Платформа перрона была вровень с полом вагона, поэтому я без труда повторил свой подвиг несколько раз, пока не объявили о закрытии дверей. Отец нежно и заботливо взял меня за руку и посадил на сиденье. На этом мое воспоминание заканчивается. Конечно же, этого быть не могло, так как я никогда не выезжал дальше своего районного центра в Вологодской области вплоть до совершеннолетия. Но я видел это так ясно, что поверить в то, что это просто фантазия, уже не мог.

Вы спросите, для чего все это, какой смысл в надуманной детской истории, и почему я вспоминаю о ней по прошествии двадцати с лишним лет с момента первого воспоминания? Все очень просто: я лежу посередине перрона главного вокзала Праги с тремя пулями в теле, вокруг меня увеличивается пятно крови, и бегают люди, призывая к помощи на разных языках. Но для меня все это не имеет никакого значения: в этот момент я лежу и смотрю на прибывающий поезд, чертовски напоминающий мне тот самый поезд-призрак, который на протяжении долгих лет, то казался мне игрой воображения, то вселял уверенность, в существование реинкарнации. И именно в этот момент, по цепочке начинает складываться пазл, который ведет меня к объяснению странного воспоминания. Я пытаюсь сконцентрироваться и все проанализировать, но ничего не выходит, мысли путаются, теряется грань между прошлым, настоящим и будущим. Да и пошло оно все к черту, ведь теперь, когда шансы остаться в живых с каждой секундой стремятся к нулю, разве все это может иметь хоть какое-то значение? Конечно же нет! Что может быть важнее секунды осознания смерти для уходящего из жизни человека?

Ничего! В это мгновение я верю в то, что она у меня не первая и не последняя, верю в то, что это очередной этап, очередной поворот колеса Сансары. Я – луч света, а смерть – это призма. Она обрывает мою жизнь точно также, как призма преломляет луч света, для которого преломление ещё не конец, ведь он появляется снова, но уже на другой стороне призмы...также как я появлюсь на другой стороне – в следующей моей жизни. Теперь я в этом уверен.

Глава 2. Муравей.

Он поступил иначе, чем поступали они – поступил
внушительно, непонятно и этим поставил себя
выше других, словом, сделал то, чего не прощают.
А.С. Грин "Алые паруса"

Муравей тянет свою ношу, что бы ни случилось. Неважно, что происходит вокруг, неважно, куда лежит его путь, он чувствует, куда надо идти. Интуиция, упрямство, труд – он идет вперед, до конца.

Стеклянная пирамида, острые, как бритва, края ее стыков, холодный, мертвый блеск ее прозрачно-зеркальной поверхности. Муравей делает первый шаг – теперь для него другой дороги нет. Вокруг пустота, которая давит своей бесконечностью. Бесконечность пугает, но не муравья. Он скользит по стеклянному треугольнику, переваливается через острые края, калеча свое тело и лапы, но все равно продолжает идти. Но куда? Вокруг пустота и треугольник – больше ничего. Разворачиваться обратно? Нет. Ради чего? Нет смысла в обратном пути, он ведет в никуда. Но все же, куда идет этот чертов муравей? Получается, что тоже в никуда! Обратного пути нет, вокруг пустота и стеклянная пирамида. А может смысла нет вообще ни в чем, ведь он пришел из ниоткуда и идет в никуда, и тут важно только одно – расстояние из пункта А в пункт Б, больше ничего. Ведь что такое точки А и Б? Это конец, начало, начало конца, или что это? Мы привыкли обозначать, мы обозначаем всё, и нам нужны итоги, результаты, конечные точки. Пока мы к ним стремимся, что происходит вокруг? Все превращается в пустоту, и ты остаешься один на один со своей целью, торопясь к итогу. Но что дальше? Муравей об этом не думает, он просто идет. Вдруг рядом, совсем близко, показался луч, который попал на одну сторону треугольника, а оказался на другой. После преломления, на другой стороне, луч стал уже не монохромной частицей света, которая вошла в призму, а целой радугой.

В этот момент, после многочисленных испытаний, выпавших на долю муравья во время пути, муравей наконец понял, что вот он – итог, конечная точка! Путь был проделан не зря. Сделав несколько коротких, но быстрых муравьиных шажков, он вступил в луч света, точно зная, что в следующий момент он станет радугой. Но этого не случилось. Луч солнца, проходящий через призму, раскалил точку входа до очень высокой температуры, и муравей сгорел. Он просто тупо сгорел. Что осталось после него? Пустота, бесконечность и призма...

Дзыыыыньньь.

– Что за бред!

С этими словами соскочил с кровати Виктор Михайлович, пытаясь отключить будильник и прийти в себя.

– Опять этот долбанный муравей! Ну, сколько можно, черт бы его побрал! Ну, сколько можно!

Последнее время его очень беспокоил сон про муравья, который сгорает на стеклянной призме и растворяется в вечности. В нем он видел отражение своей жизни. Всю жизнь он знал, чего от нее хочет, и шел по четкому плану, не отклоняясь от курса. Но внезапная смерть любимой жены в октябре 1988 года, наступившая так неожиданно, что в это было невозможно поверить и трудно смириться, перевернула его внутренний мир навсегда. Прошло почти два года после ее смерти, но он все никак не мог прийти в себя и искал смысл дальнейшего существования. Именно так – существования, а не жизни. Он любил свою жену больше, чем себя, больше, чем кого бы то ни было. Покинув этот мир, она забрала с собой все его светлые мечты и все живое, что было в нем, оставив лишь горечь утраты. Его перестала интересовать работа,

не приносили радости прогулки по любимому городу, его бесил весь мир... Но смысл жизни определенно был, и видел он его в двухлетнем сыне, который жил в основном у бабушки, в связи с командировками и постоянными перелетами Виктора. Его жена была сиротой, поэтому бабушка была только одна – его мама.

Маму Виктора Михайловича звали Ирина Сергеевна Толмацкая. Она родилась зимой 1932 года. Работала всю свою молодость стюардессой в международном аэропорту Риги, затем, когда артрит, возникший вследствие постоянных перегрузок, не позволил больше летать, устроилась по блату секретарем начальника аэродрома Риги и работала на этой должности, пока не вышла на пенсию.

У нее было два сына, Виктор и Анатолий, которых она очень сильно любила. А так как мужа у нее никогда не было, а родителей забрала война, ей приходилось обеспечивать всю семью одной. По этой причине после выхода из декрета виделась с ними не так часто, как хотелось бы. Все детство они были предоставлены самим себе, учились в школе интернате №76 недалеко от дома и виделись с мамой пару раз в неделю в ее выходные.

Когда Виктору исполнилось двенадцать лет и он смог уже самостоятельно присматривать за братом, научился готовить и разумно тратить деньги на продукты, мама забрала их из интерната и без тени сомнения доверила им жить в квартире одним в ее отсутствие. Виктор повзрослел очень рано и рос надежным, серьезным юношей, чего нельзя было сказать о его брате Анатолии – тот был его полной противоположностью. Отца у них не было. Ну, нет, конечно, был – не от Святого же Духа мать их родила, но кто им был и с какого рейса – непонятно. Не то чтобы Ирина Сергеевна была распутной, нет, даже наоборот, она была очень порядочной женщиной. Она считала, что аборт – большой грех и тяжкое преступление, и, несмотря на порицание общества и косые взгляды соседей, рожала одна, не в браке, и тянула эту ношу без чьей-либо помощи.

Хрупкая, романтическая натура, она верила всем мужчинам, которые имели чувство вкуса, выглядели достойно и умели красиво ухаживать. В каждом таком мужчине она видела спутника жизни, который подарит ей сказку. Но этого не происходило, такие мужчины оказывались, как правило, либо женатыми, либо "гастролерами", которых после нескольких афер брало в разработку МВД, и участь их была предreshена.

Надо сказать, в молодости Ирина была невероятно красивой женщиной. Она была невысокого роста, имела тонкий стан и была грациозна в каждом своем движении. Ее подтянутое тело излучало красоту и здоровье. Густые, золотистые волосы всегда были красиво уложены. На живом сияющем лице играла искренняя улыбка. Густые, темные ресницы, словно крылья бабочек легко порхали над большими голубыми глазами. Эти глаза, чистые как вода Байкала, притягивали к себе взгляды окружающих своей красотой и безмятежностью, да так, что хотелось остаться в них навсегда. Чуть вздернутый маленький носик в сочетании с немного пухлыми, нежно-алыми губами и слегка выдающимися высокими скулами завершали портрет и позволяли без преувеличения называть ее внешность ангельской. Каждый раз, видя в зеркале свое эффектное отражение, Ирина считала, что ни бортпроводники, ни даже авиаинженеры не были ей парой. Летчики же, как правило, были либо женаты, либо вступать на тропу брака не хотели. В итоге, старость она встречала одна, без второй половинки. Возникает вопрос, откуда отчество Михайлович? А ей просто нравилось это имя: оно напоминало ей о первой любви и, казалось, что звучит очень грустно. Поэтому в ЗАГСе она зарегистрировала обоих своих сыновей под этим отчеством.

Виктор Михайлович был старшим сыном, родился 15 апреля 1956 года. Он с детства полюбил авиацию, и, бывая у мамы на работе, с интересом рассматривал тумблеры и цифровые табло самолетов, зачастую приставал к бортмеханикам с вопросами: почему летает само-

лет, как называется та или иная часть воздушного судна... Рос Виктор совсем неприметным мальчиком: худощавым, ростом чуть выше среднего, от постоянного сидения за книгами был сутулым. Обладал европейским типом лица – овальной формы с высоким лбом и средним подбородком. Из-за плохого зрения он часто шурился, особенно в моменты, когда концентрировался, в результате чего, уже в подростковом возрасте, появились морщинки между его широкими дугообразными бровями. Густые, светло-русые волосы всегда были аккуратно пострижены и зачесаны набок, что придавало ему вид юного интеллигента. Единственное, что, пожалуй, выделяло Виктора среди сверстников, это взгляд: в нем удивительно сочетались недюжинный интеллект и даже мудрость, и постоянное детское любопытство. Виктор был педантом, поэтому в его комнате, в принципе, как и во всей квартире, всегда был идеальный порядок, который периодически нарушался братом. Это было поводом для регулярных ссор между подростками, и всегда, вопреки справедливости, восстанавливать порядок приходилось Виктору. Избытком поклонниц он похвастаться не мог, да и времени у него на них не было.

Второй сын, Анатолий, был младше на три года и являлся полной противоположностью Виктору. В отличие от брата-педанта, пользовался популярностью среди сверстников, расположение которых завоевал с детства, благодаря качествам лидера и задиры. Он был среднего роста, коренастый, широкоплечий. Его походка выражала силу и энергию, держался он всегда ровно, чуть выпячивая грудь вперед и приподнимая подбородок. На смуглом лице под прямыми широкими бровями, словно два ярких огня, искрились большие карие глаза. Да, именно искрились, они буквально воспаляли окружающих своей энергией и заражали ею надолго. Черные, как смоль, волосы Анатолия в совокупности с прямым и азартным взглядом и смуглым лицом придавали его внешности какой-то особый, цыганский шарм. Он обладал красивыми, правильными чертами лица и имел прямой нос, высокие скулы, чуть выдающийся вперед подбородок и четко очерченные средней величины губы. Анатолий не знал, куда направить свою энергию и природное обаяние: секции по единоборствам и другим видам спорта его не привлекали, тяги к знаниям он не испытывал, стремления к искусству не было. Поэтому, несмотря на яркую внешность и харизму, определенных успехов в каком-либо деле не имел и с выбором жизненного пути не торопился, так как найти себя просто-напросто не мог, да и, в принципе, плыть по течению его тоже устраивало.

Виктор окончил школу в шестнадцать лет с золотой медалью, как и планировал, но, к сожалению, не всем его замыслам суждено было сбыться. Плохое зрение было следствием чтения книг по ночам с фонариком под одеялом. Мама ругалась, когда он не ложился вовремя, беспокоясь о его здоровье, и пресекала чтение на кухне до поздней ночи. При этом, сама того не понимая, своими благими намерениями способствовала ухудшению зрения сына. В армию Виктора по здоровью не взяли, и сразу же после окончания школы он поступил в Рижский Краснознаменный Институт инженеров гражданской авиации (РКИИГА) учиться на авиаинженера. Всё детство он грезил карьерой пилота, но дорога к его голубой мечте была закрыта по тем же причинам, что и дорога в армию. В институте он окунулся в знания с головой и дотошно изучал все, что давало советское образование, и даже больше. Виктор с усердием запоминал маркировку каждого винтика воздушного судна, умудрялся параллельно вести свои научные работы, а вечерами после учебы собирать модели самолетов времен второй мировой войны, бережно проклеивая каждую деталь и прокрашивая ее в точности, как у прототипа. В это время младший брат гулял на улице с друзьями, пользуясь всеми благами беззаботных школьных лет. После окончания девятого класса Анатолий и вовсе бросил школу и, не сказав маме и брату ни слова, собрал вещи и уехал в город-порт Клайпеда, где обучался в течение шести месяцев на матроса, подделав заблаговременно дату рождения в документах. Получив необходимые корочки, он отправился бороздить моря на рыболовецком судне. Домой Анатолий отправлял редкие весточки о себе в скудных на сантименты письмах, но стабильно раз в месяц высылал

денежные переводы родным. Так как жалование его было довольно высоким, то его хватало как на помощь близким, так и на кутежи. И вообще, он старался брать от жизни всё.

Вернемся к Виктору. На третьем курсе он защитил экстерном диплом, а уже через два года стал кандидатом наук. Все дороги были ему открыты. Его с руками и ногами готовы были принять на работу самые престижные конструкторские бюро и лаборатории Советского Союза. Однако, ни Москва, ни Баку, ни другие крупные города и столицы СССР его не интересовали, он мечтал переехать в столицу Чехословакии – Прагу.

В этом дивном городе он был всего один раз в возрасте двенадцати лет, когда удалось уговорить маму взять его и брата с собой в командировку во время зимних каникул. Прага пленила Виктора своей исторической красотой, в которой было что-то общее с родной Ригой. Но величие памятников архитектуры Праги, магия самого города и доброжелательность людей, без сомнения, imponировали ему гораздо больше. Великие музыканты, поэты, художники, писатели приезжали в Прагу за вдохновением и оставались ней навсегда. Каждый дом этого чудесного города – это живая история, каждый камень брусчатки может поведать свою легенду, в каждом переулке открывается целый мир историй, биографий и мифов. После первого же дня экскурсий Виктор понял, что это именно тот город, в котором он мечтает жить, что жизнь в нем похожа на книгу сказок, героем которой хочется быть каждый день и не покидать ее страницы никогда. Эта поездка наполнила Виктора вдохновением, и он тогда ясно понял, что после окончания института свою новую жизнь, новую историю он начнет создавать здесь, в столице Чехословакии.

Поэтому на следующий же день после защиты кандидатской, а случилось это 21 июня 1979 года, он позвонил в отдел кадров советско-чехословацкого предприятия и согласовал день собеседования на должность инженера-технолога авиационного концерна. Собеседование Виктор, а ныне Виктор Михайлович в силу его нового социального статуса, прошел без каких-либо проблем. Еще бы, ведь по-другому и быть не могло с его дипломами и рекомендациями! Начальник отдела кадров ознакомился с его документами и статьями в журнале «Гражданская авиация» по предложениям усовершенствования и внедрению новаций в системы регистрации параметров полета. Он пригласил Виктора к себе в кабинет и стал рассказывать о райских условиях работы на предприятии, шестидневном отпуске, окладе и других прелестях. Но все это было неважно: мысленно Виктор уже собирал чемоданы, прощался с мамой и покидал свой родной город, чтобы устремиться навстречу мечте. А мечтал он о воплощении своих технических разработок из формул на листах бумаги в работающие механизмы и системы. И мысленно этот процесс совмещался у него с вечерними прогулками по Праге, завораживающей своей красотой и ненасытной до восторженных вздохов и любовных баллад, посвященных ей.

Ирина Сергеевна переезд сына одобряла: при лаборатории было общежитие, столовая – в общем, жильем и питанием старший сын был обеспечен и ни в чем не нуждался. А вот младший сын... Господи, как у нее болела душа за младшего! Сказать «болела» – ничего не сказать. Внешне она не подавала виду, все время и всем своим поведением демонстрировала окружающим свою беззаботность и беспечность. Но вот сердце ее с каждым днем покрывалось новым рубцом от бесконечных переживаний. Тревожные мысли разъедали мозг, как ржавчина железо, и покоя не было совсем. От всех этих переживаний у Ирины Сергеевны стал развиваться диабет, и начало шалить сердечко. Когда перестал помогать «корвалол», пришлось втайне от Виктора посещать кабинет кардиолога в районной поликлинике. Но все менялось, когда Анатолий приезжал на побывку. Это были редкие, но довольно длительные по времени периоды, которые действовали на нее, как волшебный эликсир: раны рубцевались, а аритмия куда-то исчезала. Сердце матери – это самая хрупкая составляющая ее божественной женской сути. И ни отцам, ни сыновьям не понять этого и не ощутить в себе, ведь только мать может простить своему ребенку всё, начиная от детской шалости и заканчивая... Да все может простить. Без исключения.

Перелет из Риги в Прагу занимал полтора часа и выполнялся самолетом ТУ 154 компании Аэрофлот. В аэропорту Виктора Михайловича встречал молодой лаборант Сергей Степанович Масольдт, который должен был стать его гидом. Это был плотного сложения мужчина 1958 года рождения. Сергей был невысокого роста, широкоплеч и на первый взгляд казался неуклюжим, словно неваляшка. Но такое впечатление было обманчивым, ведь он с детства занимался самбо и являлся мастером спорта. В темно-каштановых волосах, несмотря на ранний возраст, уже проглядывала седина. Под высоким лбом, словно две пуговицы, располагались маленькие серые задумчивые глаза. Под полным, круглым кончиком носа, словно плотные заросли кустарника, росли густые, пышные, аккуратно подстриженные усы, которые в совокупности с тяжелым, хмурым взглядом делали его больше похожим на кагэбэшника, чем на младшего лаборанта. Он скромно стоял в зале ожидания северного терминала аэропорта, застенчиво переминаясь с ноги на ногу, держа в руке табличку с надписью: «Виктор Михайлович Толмацкий».

После короткого приветствия они отправились на служебном автомобиле в гостиницу, которая находилась в трех минутах езды от терминала и близ железнодорожной станции Прага – Рузине, что было очень удобно для коммуникации с центром города. Поселили Виктора на третьем этаже гостиницы в крыле для персонала с отдельным входом, отдельной столовой и спортзалом. Оставив вещи в номере, они, не мешкая, поехали в отдел кадров для заполнения необходимых договоров и актов, после чего отправились в местную поликлинику для сдачи всевозможных анализов. Сергей Степанович оказался человеком неразговорчивым: Виктору приходилось все из него выпытывать, и в какой-то момент он даже подумал, что чем-то вызвал его неприязнь. Но, как оказалось, это было не так. Сергей был наслышан о незаурядных способностях Виктора Михайловича, получил массу распоряжений от руководства о тактичности поведения по отношению к нему, потому что надежды на будущего суперинженера возлагались немалые. Юный лаборант, случайно попавший в Прагу на это место работы, испытывал смешанное чувство зависти и уважения к Толмацкому, ощущая его умнее и выше себя в профессиональных вопросах. Поэтому он и вел себя так сдержанно, чтобы при первом знакомстве не выглядеть глупо, и еще – с целью лучше узнать, что из себя представляет человек, под руководством которого предстоит работать. Он выбрал тактику: «Чем меньше говоришь, тем умнее кажешься», но немного перегнул палку, чем вызвал недоумение у будущего руководителя.

После двух недель стажировки, знакомства с предприятием и прочими условностями Виктор Михайлович приступил к работе. Коллектив встретил его радушно, но с настороженностью, ведь каждый новый камень, брошенный в реку, поднимает со дна ил и разводит круги по воде, но со временем все встает на свои места. Хотя в жизни бывает и по-другому. Виктор считал себя общительным человеком, но люди, как таковые, ему были неинтересны: он не стремился заводить друзей, не собирался с коллективом на корпоративных посиделках. Это, несомненно, вызывало у окружающих скрытую негативную реакцию. Проще говоря, коллеги стали считать его инженером от Бога, но человеком «так себе». Ведь люди не любят, когда кто-то возносит себя выше их, а тут, получается, именно так: товарищ ходит на работу, общается с коллегами по поставленным задачам, но зовут его после работы выпить – не пьет, выйти покурить – так не курит, собраться вместе со всеми гульнуть как следует – так ни в какую! Кроме того, не надо забывать, что Толмацкий был иностранцем – чужаком, и его акцент постоянно напоминал об этом. В общем, через год работы, сам того не подозревая, Виктор Михайлович заслужил себе в коллективе репутацию заносчивого, самовлюбленного павлина. Но для руководства он был настоящим самородком. В короткие сроки разработал более экономичные системы цепей питания глиссады и других авиационных объектов, изобрел новый стенд для проверки работоспособности датчиков и тестирования параметров авиационных пилотажных комплексов и систем. Благодаря такому ценному кадру, премией начальство было обеспечено на пару лет вперед.

С кем действительно нравилось общаться Виктору, так это со своим помощником Масольдтом. Тот оказался на удивление приятным в общении и довольно эрудированным человеком. По работе он был на высоте: с удовольствием изучал новые материалы и вместе со своим руководителем познавал западные новации в области авиационного приборостроения, пытаясь догнать и перегнать иностранные технологии.

У Сергея Степановича было одно увлечение – эзотерика: он искренне верил в различного рода оккультные знания, Бермудский треугольник, дыры во временном пространстве, четвертое измерение... Общение на эти темы было его любимым занятием в свободное время. И что уж совсем непростительно для советского лаборанта, увлекался творчеством Карлоса Кастанеды, а одной из любимых художественных книг была только что вышедшая книга чехословацкого автора Йозефа Пушкаша – «Четвертое измерение». Находясь под впечатлением книги, он зачастую пытался вовлечь в беседу на эту тему и Виктора. Вначале он начинал размышлять о смысле жизни, о ценности духовных начал, о благородстве людей, которые стремятся не утратить в бытовой трясине ощущение четвертого, нравственного, измерения личности. Это измерение позволяет человеку расширить границы своего сознания, освободиться от гнета плоти и обрести сверхвозможности (научиться проходить сквозь стены, телепортации, чтению мыслей...). Затем с размышлений о картине Мироздания и духовных ценностях он переключался на психические отклонения, объясняя их с эзотерической точки зрения. Например, рассуждая о шизофрении, он сводил все к тому, что людям с данным отклонением открылось четвертое измерение. Сетовал на то, что мы, люди с трехмерным восприятием мира, никогда этого не поймем, и для нас они навсегда останутся изгоями, неприспособленными к существованию в цивилизованном мире. Он пытался обосновать свою версию о шизофрениках с даром четырехмерного восприятия мира следующей теорией.

«Человек привык к трем измерениям, существующим во Вселенной: длина, ширина и глубина. Если подключить воображение, то мы можем представить, как выглядели бы предметы во втором или первом измерении. Но представить, как выглядели бы вещи при большем числе измерений почти невозможно. Попробуем представить, как что-то движется в направлении, которое не входит в наше понятие о пространстве. Это просто невозможно, потому что мы ограничены тем, что видим, чувствуем и что находится в рамках нашего восприятия. Так в нашем третьем измерении четвертое (время) не обладает визуальными признаками, к нему нельзя притронуться, им нельзя управлять. А что было бы, если бы все-таки мы его увидели, если бы мы смогли пройти через его границы, остановить его? Попробуем представить, что у нас появились сверхспособности, и мы можем двигаться в дополнительном направлении кроме вверх-вниз, вперед-назад, вправо-влево. Попробуйте представить, что вы – единственный в мире человек, кто так может. В этом случае для людей в трехмерном мире вы могли бы стать богоподобным (могли бы телепортироваться из одного места в другое; могли бы осуществлять хирургические вмешательства без использования скальпеля и т.д.). Вы спросите, как это возможно? Представьте, что вы – трехмерное существо и взаимодействуете с двухмерной вселенной, как с набором для аппликации на листе бумаги. С точки зрения нашего пространственного измерения, мы могли бы перевернуть двухмерный объект, поменять местами лево и право, забрать его из его вселенной и поместить куда-то еще.

И если бы мы сами, трехмерные существа, решили попасть в их двумерную вселенную, мы выглядели бы странно, поскольку местные жители могли бы видеть лишь двухмерные нарезки в отдельно взятый момент. Для них ситуация складывалась бы следующим образом: сначала мы появились бы в виде двух отпечатков ног, потом переросли в два круга. По мере нашего «снижения» в их вселенную круги росли бы, пока не соединились в овал. Затем рядом с ними появились бы другие кружочки (пальцы), переросли бы в два больших круга (кисти, руки) и т.д. А что, если мы живем в четырех-, пяти-, шестимерном мире, но в силу своей ущербности не можем это воспринимать? Те, кто все-таки смог, потеряли рассудок, увидев

что-то большее, чем то, что происходит вокруг нас: привидений, ангелов, бесов...» Виктор Михайлович относился к данным суждениям скептически, но глупым Сергея не считал, списывая странные и иногда пугающие суждения на юношеский максимализм и наивность.

Все шло своим чередом, и вот спустя три года работы, в 1982 году, Толмацкий был утвержден ведущим инженером предприятия и руководителем Лаборатории авиационного технического обслуживания. Со вступлением на должность недоброжелателей у инженера-высочки только прибавилось. Естественно, многие техники, лаборанты, инженеры, работающие на предприятии, уже долгие годы мечтали о сдвиге в карьере, шанс на который, как правило, появлялся крайне редко. Так, инженер в авиационной организации может при поступлении на работу быть утвержден в качестве авиационного техника и проработать лет десять, пока что-то изменится. Впрочем, Виктор не замечал шушуканий, не обращал внимания на глупые доносы вышестоящему руководству по поводу своей персоны. Несмотря на то, что были и те люди, которые хотели ему угодить и выбирали метод доносов на тех, кто в свою очередь доносил на него, Толмацкий никаких санкций по отношению к своим недоброжелателям не вводил. А так как на сплетни он внимания не обращал, тем самым, по мнению мнимых доброжелателей опять-таки демонстрируя свое «тщеславие», то он делал и из них врагов. Жизнь – штука совсем не идеальная, и порой люди с чистыми помыслами, одержимые благой идеей, летящие вперед к ее осуществлению на крыльях самоотречения и приносящие себя в жертву для улучшения качества жизни людей, бьются головой о шлагбаумы, расставленные обществом. Для чего это делает общество? Все просто: *homo sapiens*, он *sapiens* только тогда, когда является отдельно взятым индивидом. А если он в толпе, в которой имеется своя иерархия, то ни о каком разуме не может быть и речи. Коллега, обладающий какими-либо выдающимися способностями, которые приводят его быстрому карьерному росту, даже несмотря на свои высокие и чистые намерения, будет воспринят верхами, как угроза, а низами, как объект зависти и лицемерия. В самоотречение Виктора Михайловича, естественно, никто не верил: все только гадали, что у него на уме, и считали, что он лицемер, прикрывающийся пунктуальностью и альтруизмом ради продвижения по головам и выслуги перед руководством. Все эти мелочи обходили его стороной, ведь у него приоритеты в первую очередь были расставлены в пользу работы, а всё, что происходило вокруг, его не интересовало. Был даже момент, когда он, подходя к гостинице, заметил напротив входа странных людей в штатском, наблюдающих за ним, сидя в синей Шкоде. Зайдя в номер, он обнаружил там чуть сдвинутые вещи и пропажу нескольких книг и журналов, но никоим образом не стал привязывать данные обстоятельства к завистникам на работе. Виктор Михайлович считал, что в таком огромном организме, как Советский Союз, невозможно без дополнительных мер безопасности. А так как был он человеком, владеющим государственными тайнами и секретами, то рассматривал это событие, как необходимую закономерность.

1982-й год был для Толмацкого насыщен событиями и переменами. У мамы был юбилей, ей исполнилось 50 лет, и она, шумно отметив такое грандиозное событие, со спокойной душой отправилась на пенсию. Теперь Ирина Сергеевна чаще стала навещать сыновей и, как мечтала всю жизнь, начала путешествовать. За сыновей она была спокойна, старший продвигал науку на всех фронтах и выступал на самых серьезных конференциях по всему Советскому Союзу и за рубежом. Младший же женился и порвал с опасной и разгульной, но яркой и веселой жизнью матроса рыболовецкого судна.

Анатолий, несмотря на довольно-таки молодой возраст, двадцать три года, женился по собственному желанию на девушке с красивым именем Аленушка двумя годами старше его. Алена была милой, скромной девушкой, обладающей славянской внешностью: густыми русыми волосами, светлой кожей, круглым лицом, серыми глазами и прямым аккуратным

носом. Он переехал жить к ней в Белгород, который стал точкой отсчета в их скитаниях по бескрайним просторам СССР в поисках своего места в жизни.

В этом же году Виктору Михайловичу пришлось расстаться с единственным другом. Его помощник Сергей Степанович Масольдт, который все три года шел с ним рука об руку, вдруг решил перейти в военную авиацию, сославшись на то, что хочет повидать мир. На тот момент это было действительно реально: техники, инженеры – любой летный состав кочевал по самым разным закоулкам великой державы и за ее пределами. За год работы можно было побывать в любой точке земного шара от Кубы до Дальнего Востока, от Северной Кореи до Камчатки, от Афганистана до архипелага Новая Земля. Прощание было коротким. Пожелав друг другу успехов и крепко пожав руки, Виктор и Сергей сказали чуть ли не хором что-то вроде: «Ну, может, свидимся». На этом они разошлись и, естественно, их жизненные пути больше никогда не пересекались. Можно, конечно, возмутиться и сказать: «Как же так?.. Ведь люди три года работали вместе, чему-то учились, помогали друг другу, дружили... А тут просто так сказали: «Ну, может, свидимся» – и все?» Можно рассуждать на тему истинных друзей и товарищей, пуститься в философию, поэзию, вспомнить стихи и песни о дружбе... Но Виктор Михайлович подходил к таким вещам со своей философией. Он даже не стал уговаривать Сергея остаться, суля ему повышение, привилегии и более частые командировки (учитывая, что тот хотел путешествовать). По его мнению, время подталкивает человека к определенным действиям, переменам в жизни, будь то стабильная семейная жизнь, или скитание по земле в поисках чего-то нового. Когда человек уходит в свое будущее настоящее, оставив позади прошлое, он открывает новый лист, и этот лист начинает заполнять. Ибо каждый человек – автор своей судьбы. А грустить по прошлому, или сожалеть о нем – бессмысленно. Ведь всегда можно перевернуть страницы в памяти и вытащить из них то, о чем ты действительно хочешь вспомнить. Поэтому к расставанию с другом он отнесся философски – без грусти и кома в горле, просто с улыбкой на лице и искренним желанием действительно когда-либо встретиться.

А еще в этом году произошло самое главное событие в жизни Толмацкого. На очередной конференции в рамках международного сотрудничества по развитию гражданской авиации, которая проходила в Варшаве в августе того же года, Виктор встретил ЕЁ... Молодая переводчица – хрупкая, невысокого роста, с маленьким круглым лицом, на котором сияла нежная улыбка. Его сознание заполнили ее темно-рыжие волосы, которые были аккуратно подбраны вверх и связаны в узел. Он хотел прикоснуться к ним, поднести их к своему лицу и, вдохнув их запах, оставить его в себе и не дышать. Под низким лбом черными дугами прорисовывались изящные брови. Низкие скулы, слегка вздернутый носик и тонкие губы подчеркивали ее утонченность. Ее большие голубые глаза заставили его забыть обо всем, что происходило в данный момент. Если бы Виктора попросили тогда назвать свое имя, он бы не смог: перебрав в голове сотни имен, он так бы и не вспомнил свое. Из ЕЁ уст он готов был слушать слова на любом языке: родном польском (хотя не любил его, а мама сравнивала этот язык с шипением змей), ломаном русском, идеальном английском с небольшим польским акцентом, да хоть иврит, но именно из ЕЁ уст. Вечно. Единственное, что он успел узнать о ней в момент первой встречи, это фамилию и имя, прочитав их на ее бейджике: Брыльска Божена. Для Виктора это сочетание звучало как «Великая Божья Слава». Когда Божена почувствовала его пристальный взгляд, который смотрел куда-то глубоко внутрь нее, прямо в душу, не излучая ни капли пошлости, она открыто ответила на него. От смущения Виктор покраснел и ссутулился, вызвав у нее милую улыбку.

– Тут немного душно, – нежно произнесло это божественное создание. – Вот, выпейте, пожалуйста. Сейчас я попрошу секретаря увеличить мощность кондиционера.

И, дождавшись пока ошеломленный и сконфуженный Виктор Михайлович все-таки возьмет стакан в руку, развернулась и отправилась к секретарю.

– Спасибо! – выкрикнул вслед Виктор, не понимая, что с ним происходит, но чувствуя, что эта женщина – его Судьба. Она пробудила в нем настоящего его. Она пробудила в нем глубинные чувства счастья, радости, покоя. Любви. В этот момент Виктор понял: если не она, то больше никто.

В тот же вечер, гуляя с Боженой по Замковой Площади Варшавы в Старом городе, напоминающей своими замками, соборами, узкими улочками любимый и уже родной город Прагу, Виктор старался произвести впечатление на юную переводчицу. Он с мальчишеским рвением рассказывал об инновационных прорывах в области электроники. Периодически он переключался и переходил на рассуждения о красоте ее родного города, об уютных кафе, оформленных в старых добрых европейских традициях. Зачем-то рассказывал историю Королевского Дворца, уничтоженного фашистами и постепенно отреставрированного волонтерами. Рассуждал о красоте Собора Святого Иоанна Крестителя, построенного в нетипичном для Варшавы готическом стиле. Уточнял, что этот собор является объектом Юнеско. Он говорил... Впрочем, он сам не отдавал себе отчет, о чем говорит. Ему просто хотелось быть интересным ЕЙ и продлить как можно дольше, любой ценой этот волшебный вечер...

Божена слушала его, не перебивая. Она смотрела в его глубокие темно-зеленые глаза, погружаясь в них, как в омут, и едва ли улавливала смысл того, что пытался донести до нее Виктор. Ее поражало в нем всё: доброе лицо, наивный смех, искренность, с которой он пытался удивить ее. Ее, коренную варшавянку, удивить историями о достопримечательностях родного города и реставрации памятников архитектуры, в которых она принимала непосредственное участие с двенадцати лет! Он был первым человеком, наслаждавшимся именно ее присутствием, и этого ему было абсолютно достаточно. Она видела, как с детским трепетом он пытался растянуть их прогулку, пусть даже дурацкими разговорами, но ради одного – чтобы видеть ее рядом с собой и наслаждаться ее близостью. Ухажеров у юной красавицы было много, ее яркая внешность притягивала к себе мужчин разных социальных слоев. А в силу того, что профессия переводчика на тот момент была довольно редкой, а хорошего – днем с огнем не найдешь, она крутилась во влиятельных политических кругах. Таким образом, уж чем-чем, а вниманием сильного пола она не была обделена. Но близко к себе Божена никого не подпускала. И на это были веские причины.

Брыльска Божена родилась 5 апреля 1962 года. Родителей своих она не знала и с рождения воспитывалась в детском доме. Закончила факультет журналистики и политических наук в Варшавском государственном университете, получив диплом специалиста международных отношений. Еще учась в Университете, она проходила преддипломную практику в МИД на должности секретаря-переводчика, и после окончания ВУЗа ее сразу утвердили на этой должности. Практически сразу один из видных дипломатов министерства стал настойчиво за ней ухаживать, но это ей не понравилось, и она тактично отшила его, сославшись на чрезмерную занятость. Божена вообще относилась к мужчинам с настороженностью. Она не являлась феминисткой и не была фригидной, но избегала настойчивых и похотливых мужчин, как огня. Это объяснялось травмой, перенесенной ею в возрасте тринадцати лет и изменившей всю ее дальнейшую жизнь. Роковой случай произошел в школе при детском доме №24, в котором она воспитывалась с самого рождения. Второго сентября на урок по математике вошел директор школы и сообщил, что предыдущий учитель отправлен на пенсию, и вместо него приступает к работе пан Григор Василеску.

Молодой преподаватель – румын, высокого роста, худощавый, с темными волосами и карими, слегка навязками глазами. Он обладал огромным орлиным носом и казалось, что из его больших, словно драконьих, ноздрей, вот-вот вырвется пламя. Лицо было бугристым, лоб и щеки были покрыты морщинами. Высокие, сильно выделяющиеся скулы, кривые зубы, тонкие губы – всё это внушало если не страх, то, как минимум, неприязнь. Но, несмотря на такую отталкивающую на первый взгляд внешность, он был типичным экстравертом: остро-

умно шутил (хотя часто повторялся в своих шутках), был приветливым, открытым и чересчур общительным. Он сразу как-то странно посмотрел на Божену, что заставило ее тело покрыться мурашками. Успеваемость по математике резко упала с первых же уроков.

Пан Григор постоянно придирился и отчитывал ее. Эта излишняя придиричивость удивляла и напрягала девочку, и, возвращаясь с занятий, она садилась на кровать, утыкалась лицом в подушку и плакала. Она не могла понять, почему ее, круглую отличницу, так невзлюбил новый учитель. Но как-то раз, после очередного урока, на котором она ни за что получила оценку «три», Божена набралась храбрости, подошла к пану Григору и выпалила:

– Прошу прощения, пан Григор, почему вы относитесь ко мне столь предвзято? Вы же видите мои старания, я лучше всех в классе знаю и алгебру, и геометрию, и, если уж на то пошло, даже физику, хоть это и не ваш предмет, но похвалиться этим не грех, ведь это большая редкость, когда девочки увлекаются точными науками и разбираются в них лучше мальчиков.

Произнеся на одном дыхании эти слова, каждое из которых она репетировала перед зеркалом, юная школьница покраснела и опустила голову.

– Я смотрю, вы, пани Брыльска, еще к тому же и отличный философ! За два предложения сумели затронуть и тему греха, и порассуждать об особенностях мужского и женского мышления. Для тринадцатилетней девочки смело, нельзя этим не восхититься! – сказал он, пристально смотря в глаза Божены, которая при любой возможности старалась отвести свой взгляд. – Но, спешу заметить, что не собираюсь ставить вам “отлично” только потому, что вы – сильный ученик на других уроках. Если хотите подтянуть алгебру и геометрию, то всегда пожалуйста – есть занятия продленки. Они как раз-таки и существуют, чтобы школьники преуспевали в знаниях и улучшали их качество. А это, в свою очередь, приведет к желаемому результату и нужной оценке. Тетрадь записи на дополнительные занятия на столе. Пожалуйста, записывайтесь на подходящие даты, и вперед.

Что ж, делать было нечего, пришлось ходить на дополнительные занятия. Вот только зачем – Божена не понимала: ведь в своих знаниях она была уверена, а на дополнительных ничего нового не слышала, а просто решала задачи, предлагаемые учителем. Как-то раз, зайдя в класс на очередное занятие, она обратила внимание, что аудитория пуста, и она одна – единственная ученица. Но пуста была не только аудитория, а практически вся школа. По случаю проведения праздничных мероприятий одиннадцатого ноября в честь национального праздника Независимости, практически весь преподавательский состав и ученики были освобождены от занятий и заняты подготовкой к празднованию. Она села на первую парту и терпеливо стала ждать преподавателя. Минут через десять скрипнула дверь, и в класс вошел пан Григор. Его лицо было красным, а глаза сверкали мертвым холодным блеском. Девочку охватило странное предчувствие: нервно задергались веки, и задрожали коленки. Голосом, скованным от нахлынувшего на нее внезапного страха, она поздоровалась:

– Добрый день, пан учитель, с вами все в порядке? У вас странный взгляд... Резким, почти конвульсивным движением она поднялась из-за парты, оказывая уважение учителю, и дрожащим голосом добавила:

– Если что-то не так, то я готова прийти в следующий раз.

– Все хорошо, Божена, не переживайте, все хорошо, прекрасная, маленькая девочка! – расплылся в больной и дикой улыбке Григор, сверкнув звериным взглядом. После чего щелкнул замок, что говорило о запертой на ключ двери.

Бедная отличница не могла понять, что это значит, что ей делать и куда бежать, ведь бежать было некуда. Он не дал ей никакого шанса, она даже не успела крикнуть, его ладонь с силой сжала ей рот, а из мерзких уст вылетали слова о том, что ей все равно никто не поверит, и чтобы все прошло безболезненно, лучше не сопротивляться. Но она этого не слышала, глаза были наполнены слезами, а разум сковала паника. Божена не помнила, как пришла в комнату, как легла спать, как резала ночью вены, как приехала скорая, и ее увезли и накачали успоко-

ительными. Она, как в бреду, повторяла его имя, срывая голос от крика и теряя сознание. В этот раз он промахнулся – предыдущие жертвы его растления переносили молча эту трагедию и, стыдясь, скрывали свой позор. Но Божена была примерной девочкой с высокими идеалами и очень тонкой натурой, в ее тринадцать лет она была действительно еще ребенком, в отличие от сверстниц, и перенести в себе этот ужас она не смогла. Вначале ей не поверили, но спустя пару дней молодого математика арестовали, потому что из других мест его работы также стали поступать заявления от потерпевших, и в отношении этого недочеловека завели уголовное дело и уперли за решетку. Божене потребовался месяц на реабилитацию и несколько лет на борьбу с чувством страха по отношению к сильному полу. Оставаться наедине с мужчиной она уже не могла, начиналась паника, вплоть до потери сознания.

Но сейчас все в прошлом, всё как во сне. Теплый августовский вечер ласкает ее лицо нежным прохладным ветерком, ее легкие воздушные шажки плавно, словно в полете, вторят пружинистым неуклюжим шагам Виктора. «Да, это он, именно тот, кого я ждала,» – думала Божена. «Нет, она никогда не захочет быть рядом с таким олухом, как я,» – думал Виктор. Но Божена, будто прочитала его мысли, и, чтобы успокоить их, взяла его за руку и сказала:

– Вы можете проводить меня до дома, Виктор! Живу я здесь рядом, так как работаю в самом центре. Поэтому, если не торопитесь к себе в гостиницу, то можем еще полчаса погулять и насладиться этим прекрасным летним вечером.

– С удовольствием, пани Божена! Как я могу отказаться от такого приятного общества! – с нескрываемой радостью, как будто только что сорвал джек-пот, выпалил Виктор. Чем опять заставил рассмеяться свою очаровательную спутницу.

30 июня 1983 года состоялась церемония бракосочетания гражданина Толмацкого Виктора Михайловича и теперь уже Толмацкой Божены. Здание ЗАГСа на Вилла Пелле, в котором проходила церемония, являлось прекрасным образцом архитектуры неоренессанса и находилось в списке культурных памятников города. Гостей было порядка пятнадцати человек. Конечно же, на свадьбе присутствовала мама Виктора, которая с нескрываемым восхищением смотрела на красавицу невестку, украдкой вытирая слезы. Анатолий приехать не смог: у него буквально на днях родилась дочка, и на торжественное событие в жизни брата у него не было времени. Но Виктора не сильно расстроил факт его отсутствия, ведь он знал, что выпивший брат может испортить любой праздник. Со стороны Виктора присутствовали четыре товарища по работе: его новый помощник, два человека из смежных авиационных наземных служб, с которыми он тесно работал по расширению границ северной части аэропорта, и заместитель руководителя Международного Аэропорта Праги – Йохан Лукаш, являвшийся, пожалуй, самым важным гостем. Он был человек занятой, но, как и обещал, почтил своим присутствием брачную церемонию. Среди гостей Божены были в основном ее подруги детства, однокашницы из института и коллега из МИД Польши.

Свадьбу отметили в ресторане при гостинице, в которой жил Виктор. Гостей разместили в свободных номерах, в общем, все прошло тихо, скромно и спокойно, без лишней суеты и с качественным сервисом.

На следующий день молодожены улетели утренним рейсом в Крым, где в аэропорту Симферополя их ждало заранее заказанное такси до пансионата Новый Свет, что находился в одноименном поселке в шести километрах от города Судак. Через два часа после взлета шасси самолета мягко коснулось взлетно-посадочной полосы, и уже через несколько минут был подан трап. Счастливая парочка вышла из прохладного салона на раскаленный от июльской жары воздух и направилась к выходу. Таксист ждал у входа, держа в руках табличку с коряво написанной фамилией «Толмацкий». Расстояние в 118 километров из Симферополя в Судак на новенькой «Волге» преодолели за пару часов. Оставалось проехать всего ничего, каких-нибудь шесть-

семь километров по одной из самых красивых дорог с очень крутым серпантинном. Неподражаемая природа этих живописных мест определенно стоила того, чтобы, по просьбе супруги, останавливать утомленного водителя по имени Эдуард практически на каждой смотровой площадке. Преодолевая многочисленные повороты и ухабы, советский элитный автомобиль нес их по очень опасной дороге со скоростью шестьдесят километров в час, несмотря на предупреждающие знаки об ограничении до сорока, а то и до двадцати километров в час. Водитель был уставшим, он совершал уже третий подобный маршрут, поэтому хотел успеть вздремнуть пару часов перед назначенным вечерним рейсом из Судака в Алушту. До конца серпантина оставалась пара километров, как вдруг Эдуард потянулся в бардачок, чтобы заранее приготовить документы на автомобиль. Он знал, что как всегда при въезде в поселок Новый свет его опять остановят гаишники и, как всегда, начнут осматривать с ног до головы: не зря же они томились под палящим солнцем, с «отвагой» охраняя закон и порядок. Две секунды, на которые отвлекся водитель, оказались роковыми. Сказались его усталость, недосып, жара, рассеянное внимание, превышение скорости и крутой серпантин. Машина не вылетела в пропасть только потому, что резкий удар по тормозам немного смягчил ситуацию, но полностью спасти положение не смог. Автомобиль с визгом прочертил две черные полосы на асфальте и, пробив ограждение, стал постепенно сползать в пропасть. Эдуард крикнул пассажирам:

– Ради Бога, простите! – и закрыл лицо руками.

То ли действительно время тянулось долго, и все действия происходили медленно, то ли так казалось, но, закрыв глаза, Виктор успел сказать Божене, что любит ее и прикоснулся своими губами к ее губам. Он слышал каждый всхлип, мог разглядеть дрожание ресниц и, прерывая своим поцелуем крик, видел, как ужас в ее глазах сменяется умиротворением. Однако на этом всё не закончилось, спустя пару секунд встречный микроавтобус УАЗ со скоростью 15-20 км в час врезался в заднюю боковую дверь. От этого удара Виктор со всего размаха ударился затылком о боковое стекло, Божену откинуло на него, и она тоже ударилась об стекло, только лбом. Оба потеряли сознание.

Очнулись они на следующий день в семь утра сразу друг за другом в отделении травматологии города Судак в одной палате.

– Господи, мы живы! – с криком счастья попыталась вскочить Божена, чтобы броситься к мужу. Но быстро встать не получилось: действия успокоительных и четырнадцать часов сна давали о себе знать.

– Да, любимая, мы живы, и мы вместе. Я так дорожу тобой, и так счастлив, что в этот момент мы были рядом. Я думаю, что если бы был один, мое сердце разорвало бы от страха, а так, глядя в твои глаза, я понял, что не боюсь даже смерти, если ты рядом. Ты – мой ангел хранитель. Не понимаю, что нас спасло, и как мы, в итоге, оказались живы и здоровы.

Виктор медленно встал, подошел к сидящей на краю койки супруге и нежно обнял ее, затем, посмотрев в ее спокойные, но мокрые от слез глаза, с какой-то хрупкой осторожностью поцеловал. Их воркование прервал обход. Врач, увидев, что они очнулись, переглянулся со старшей медсестрой и сказал:

– Доброе утро, товарищи! Для вас ведь оно особенно доброе... Обязательно сделайте этот день красным днем календаря! А когда снова поедете к месту своего будущего отдыха, остановитесь на месте аварии и поблагодарите кедр.

– Что значит, поблагодарите кедр? – с удивлением спросил Виктор.

– А то, товарищ, и значит, что если бы не это благородное дерево и не удар «буханки»*(микроавтобус УАЗ) в заднюю часть автомобиля, то собирали бы вас по частям, извините за грубость. А, может, и собирать нечего было бы: пятьсот метров все-таки, скорее всего машина бы взорвалась. Благодаря удару УАЗа машину развернуло, и, проехав боком порядка пяти метров по склону, она уперлась в кедр ровно посередине корпуса.

– Да уж, повезло... – Толмацкий задумался. Слова доктора повергли его в шок. Ведь, по сути, их спас удар, который, как он решил в тот момент, свел все их шансы выжить на нет. Жизнь все-таки странная штука...

– Но теперь для вас все в прошлом, – продолжал доктор. – Бояться нечего: отделались, так сказать, легким испугом и царапинами. Сейчас к вам подойдет медсестра, проводит на осмотр, пообщается с психологом. Если все будет в порядке, напишете заявление, что всем довольны, претензий не имеете и выписываетесь по собственному желанию. И в путь, к теплему морю, палящему солнцу и аромату душистого можжевельника!

– Огромное спасибо, товарищ, эммм... доктор, – доктор, войдя, забыл представиться, а Виктор, в свою очередь, переживал, что это у него вылетело из головы, как зовут их врача.

– Извините, забыл представиться: Синицын Павел Викторович мое имя! Сегодня вроде бы не прощенное воскресенье, но извиняться приходится во второй раз. Каюсь, виноват, тяжелая ночь.

В дверь постучали.

– Да, да, заходите! А вот и наша медсестра. Леночка, проводи, пожалуйста, товарищей к травматологу, затем к Евгению Сергеевичу, если он на месте. Если все хорошо, и товарищи пациенты захотят уехать, то на выписку – под их же просьбу. Если захотят остаться, то милости просим, пять дней мы поддержать можем, трехразовым питанием и бесплатным проживанием будут обеспечены, Родина позаботилась! Ну а пока, прощайте! – Павел Викторович улыбнулся, подмигнул и скрылся за дверью.

– Прощайте! – в унисон ответили молодожены.

– Простите, Елена, – обратилась к медсестре Божена. – а что с нашим водителем, Эдуард его имя, кажется.

– Не переживайте, с ним все хорошо, с медицинской точки зрения, а вот с точки зрения законодательства не очень, – сказала медсестра и жестом руки попросила их встать и проследовать за собой, затем продолжила. – Этот товарищ, оказывается, числился в розыске и работал по поддельным документам. Странно конечно, как он попал в такую солидную организацию, как такси, но всякое бывает. Слава Богу, вы ехали днем, а не ночью.

– Почему? – с недоумением уточнил Толмацкий.

– Все очень просто, – отвечала Елена. – Если бы авария произошла ночью, то такой человек, как «нетоварищ» Эдуард с поддельными документами, вряд ли бы занимался вашим спасением. В первую очередь, он бы выбрался сам. И даже если бы автомобиль сразу не упал, он не кинулся бы вас спасать, а трусливо сбежал бы с места происшествия, дабы не быть пойманным и не получить срок. А днем на трассе много людей...

– Я так понимаю, мы родились под счастливой звездой! – воскликнул Виктор, ошарашенный известием о третьем возможном варианте гибели, которую удалось избежать.

Глава 3. Семейная реликвия.

*Видимо, у каждого рода есть свой закон,
от которого не уйдёшь. Род – целое,
а не сумма последовательных поколений...*

Флоренский Павел Александрович (российский ученый, религиозный философ).

На обрыве серпантина по дороге из Судака в поселок Новый Свет рос могучий кедр, он и спас жизни Виктору, Божене и водителю Эдуарду, настоящее имя которого было Азад. Чудом оставшись в живых после удачного приземления, Азад открыл глаза и первое, о чем подумал, это то, что родители должны были назвать его не Азад, что в переводе с азербайджанского «свободный», а Тофиг, означающее «успех, удача». В УАЗе, врезавшемся в Волгу, ехала группа альпинистов, сообразительность которых послужила на пользу. Они остановили проезжавший КРАЗ и, аккуратно привязав тросы по осям боковых колес «Волги», зафиксировали злополучный автомобиль. Затем, не дожидаясь прибытия экстренных служб, вначале вытащили с заднего сиденья молодую девушку, а затем аккуратно стали вытаскивать мужчину. Водитель, в отличие от пассажиров, пребывал в сознании и одновременно с вытаскиваемым Виктором вылезал сам, дабы не нарушить хрупкое равновесие. Однако вместо того чтобы оставаться на месте аварии, Азад затерялся в толпе зевак с просьбой дать попить. Наткнувшись на земляка и перекинувшись несколькими словами, сел к нему в ВАЗ-2103 и, развернувшись в обратную сторону, умчался в Судак. К моменту прибытия медицинских, сервисных служб и дорожных патрульных виновника ДТП уже не было на месте аварии. Пострадавшие пассажиры, осмотренные медиками, получив по небольшой дозе снотворного и успокоительного, были доставлены в больницу, автомобиль был поднят и эвакуирован в районную автоинспекцию, а зеваки и остальные участники аварии разъехались по делам и развлечениям. Азад был объявлен в розыск, но к тому моменту, как органы милиции и люди, крышующие таксопарки Крыма, начали его искать, он уже с очередным паспортом сидел на борту пассажирского самолета ИЛ 74, следующего по маршруту аэропорт Симферополь – аэропорт Бина (Баку).

Азад не задавался вопросом о том, как себя чувствуют его пострадавшие пассажиры. Также ему было плевать на то, что служба такси понесет убытки. Его беспокоило, что в бардачке вместе с документами лежал его фамильный пистолет, с которым он не расставался со дня смерти отца. Да и деньги порядка шестисот рублей – шутка ли! – считай, месячная зарплата полковника Советской Армии! Ну, деньги деньгами, а вот пистолет – это, конечно, потеря! Азад являлся третьим хранителем бесценной семейной реликвии. Кольт М1911, разработанный Джоном Мозесом Браунингом еще в 1908 году и состоявший на вооружении армии США с 1911 года, был востребован и по сей день. Автору такого блестящего оружия, сконструированного не без холодного изящества, было чем гордиться: ведь в те годы это был серьезный прорыв в создании самозарядного пистолета. Этот кольт подарил деду Азада американский офицер Адам-Эд Браун, которого дед спас при отступлении во время «Мясорубки Нивеля». Это было крупнейшее сражение Первой мировой войны (апрель – май 1917г.), где две дивизии Национальной армии Конгресса США под командованием главнокомандующего французской армии Роберта Нивеля, участвовали на стороне Антанты. Несмотря на явное преимущество союзников, они были полностью разгромлены. Во время сражения батарея Аббаса, так звали деда Азада, попала под ожесточенный огонь противника и практически полностью была уничтожена. Он чудом остался жив, но был ранен в плечо. Испытывая жуткую боль, он собрался с силами, оценил, что единственный шанс выйти из-под огня – это подавить его, и пополз к вражеским позициям. Подобравшись как можно ближе, Аббас бросил гранату. Залпы прекра-

тились, и он быстро пополз обратно. Боль была на грани сознания, голова кружилась... Едва ли он смог бы вспомнить обратную дорогу: как вжимался в землю от свиста пуль, как его отбрасывала ударная волна взрывающихся рядом снарядов... Но он ясно запомнил лицо американского солдата, рядом с которым упал, спасаясь от очередной пулеметной очереди. Контуженный американец с мольбой смотрел на него, как на свою единственную надежду. «Save me! Save me!» – шептал он в отчаянии, вцепившись в Аббаса. Несмотря на то, что тот сам потерял много крови и был близок к смерти, он выволок союзника из окопа и потащил его к своим. Войска Антанты пока еще удерживали позиции, и им обоим удалось спастись. Это было настоящее чудо! Подаренный пистолет, по рассказам отца, не раз спасал деда жизнь. И уже во время Великой Отечественной войны при конвоировании нацистских пленных один немецкий солдат каким-то образом выхватил у охранника винтовку со штыком и ударил им деда в грудь. «Случайно» в этот день тот повесил кобуру с пистолетом не как обычно на пояс, а на грудь, и штык вонзился прямо в пистолет, что уберегло деда от смерти. Фашистский солдат был расстрелян на месте этим же пистолетом.

Пройдя две мировые войны от начала до конца, участвуя в огромном количестве битв и получая серьезные контузии, дед, несмотря ни на что, тогда выжил, но умер при нелепых обстоятельствах. В 1949 году, восстанавливая ограду у дома, потягивая едкий папиросный дым, дед закрыл левый глаз, чтобы дым в него не попал. Но ветер изменил направление, и дым попал в правый глаз, отчего тот заслезился и зажмурился. Дед при размахе от неожиданности и резкой боли выпустил молоток из руки, тот угодил ему прямо по большому пальцу ноги. Через месяц палец почернел, на что фельдшер поселка Сарай, в котором жил дед Азада и который находился в пятнадцати километрах от Баку, вынес вердикт, что его придется ампутировать, и выписал направление в бакинскую хирургию. Дед был упрямый – аргументируя тем, что на войне еще не то случалось, и что ему там ничего не отрезали, а тут такая ерунда и отрезать, отказался ехать в больницу. «Нет уж, если на это есть воля Аллаха, то уж лучше он по этой воле и помрет, нежели жить без пальца,» – ворчал он. В скором времени начала синеть стопа, и уже жена и сын настаивали на ее ампутации, плакали, стоя в слезах на коленях, но его было не сломить. В итоге, он умер от гангрены, но даже перед смертью сказал, что если вернуть все назад, то менять ничего бы не стал, на все воля Аллаха. Перед смертью дед вручил сыну Вагифу пистолет со словами, что он должен хранить его всю жизнь и передать своим детям и внукам. Этот кольт был не просто оружием, а фамильным символом свободы: ведь благодаря ему он выжил в страшных сражениях двух войн, и теперь их род имеет продолжение.

Вагиф также берег этот пистолет всю свою жизнь. Будучи человеком с тяжелым, агрессивным характером, не гнушающимся криминальными методами добычи денег, он зачастую находился на грани свободы, но всегда случайным образом выходил сухим из воды. Удача была с ним даже при событии в Нагорном Карабахе, когда по заказу он с товарищами участвовал в провокации армян. Тогда погибло несколько его так называемых коллег, а остальные оказались за решеткой. Но ему, мало того, что удалось избежать участи и тех, и других, так еще и вознаграждение за эту акцию «пилить» ни с кем не пришлось. Когда настало время отчаянному и дерзкому Вагифу отдать свою душу Аллаху, он, как и его отец, вручил своему сыну кольт, и, как и его отец, произнес слова напутствия:

– Азад, – обратился Вагиф, лежа на больничной койке, умирая от пневмонии. – Я был плохим отцом и не оставил после себя ровным счетом ничего, кроме дома, который унаследовал от деда, – он резко закашлялся, но затем продолжил. – Однако я дал тебе имя Азад – «свободный», каким был сам, каким был твой дед. В жизни не важно, что происходит вокруг тебя и кто тебя окружает, важно то, что у тебя внутри. Запомни это и проживи свою жизнь так, как сам того желаешь. А ответ перед Аллахом всем нам держать и всем нам грехи свои отрабатывать. Прошу тебя, не делай того, что будет расходиться с твоей совестью, тогда проживешь счастливую и долгую жизнь. Через пару часов меня уже не станет, я это чувствую. Вот,

возьми ключ от сейфа – там, пожалуй, самая важная вещь для нашей семьи: это кольт деда. Дед чист перед Аллахом, моя история грязна, но не людям судить. Историю колта ты знаешь. Он не раз спасал деда, спасал меня, теперь будет охранять тебя. Береги его и передай своему наследнику! – новые приступы кашля, оборвавшие его жизнь, заглушили слова благодарности и всхлипывания сына.

Отец Азада умер в 1970 году. На тот момент сыну исполнилось восемнадцать лет, и он стоял на распутье жизненных дорог. Азад был невысокого роста, спортивного телосложения. Обладал типичной внешностью азербайджанца: темными волосами, черными глазами и узким лицом с сильно выступающим носом. Мать привила ему с детства любовь к фортепьяно и мечтала о том, чтобы он поступил в консерваторию в Санкт-Петербурге, где жила ее двоюродная сестра.

Но сам он, несмотря на фанатичную любовь к божественным звукам любимого инструмента, посчитал, что это не мужское занятие – стучать по клавишам. Тем более в голове звучали слова отца о свободе и совести. Выбрать путь отца – романтика с большой дороги – помог случай. Разгружая вагоны на узловой железнодорожной станции Сумгаит, что находится в десяти километрах от его поселка, он познакомился с грузином по имени Мамука. Тот обладал яркой, запоминающейся внешностью. Но отнюдь не иссиня-черные волосы или большой с горбинкой нос запоминались окружающим, а шрам, который протянулся от внешнего края правого глаза до подбородка. Увидев такой экземпляр в темном переулке, даже отъявленный смельчак задумается о бегстве.

После разгрузки вагонов и получения денег тот отошел в сторону, достал блокнот и с серьезным видом, поглядывая по сторонам, стал что-то чертить и писать. Увидев любопытный взгляд молодого Азада (Мамуке было тридцать восемь лет), он кивком головы подозвал его.

– Как тебя там? Товарищ Азад? Хе хе, – как то странно засмеялся грузин. Азад даже подумал, что у него не все в порядке с головой, что, в принципе, частично было правдой. – Короче, я смотрю, тебе можно доверять. Поболтаем в тихом месте?

– Без проблем, – ответил Азад, и они, пройдя с полкилометра, сели в припаркованный среди деревьев «москвич».

– Значит так, через неделю, как всегда в это время, прибывает этот же поезд с этим же грузом. Ты же знаешь, что мы сейчас грузили?

– Нет, мне без разницы, главное, что платят сразу, – равнодушно ответил Азад.

– Ха-ха, парниша, мне нравится твой настрой! У тебя есть ствол? – прямо в лоб задал вопрос Мамука.

– Что за вопросы? Да в чем, черт возьми, дело? – вспыхнул Азад.

– Ладно, шутки в сторону, говорю суть, а там решай сам, – он чуть призадумался, видимо подбирая более лаконичную формулировку следующему разъяснению. – В контейнере перевозят нелегальную японскую и американскую фото, видеотехнику и телевизоры нового поколения. Весь этот товар везут из Ростова-на-Дону по отработанной схеме в коробках «Осторожно стекло», поэтому и выгружают черт пойми где, а не в Баку. Так как товар нелегальный, шума не будет. Я известен в определенных кругах, заподозрить меня хозяева могут, а вот тебе бояться вообще нечего, ты не засвечен, «мусорам» это дело точно не отдадут, займутся сами. Твое дело маленькое, не приметное, а я свалю далеко и надолго, ищи-свищи потом. Следующая партия в четверг, через неделю. Два исполнителя для погрузки на месте есть, нужен еще один – человек, который задержит водителя на трассе за пять-шесть километров от станции и, используя все возможные методы, не даст ему забрать груз в назначенное время. Груз, естественно, заберет машина с необходимыми на него документами, с той разницей, что они не настоящие. А-ха-ха, – опять последовал странный смех Мамуки. – На работу ты нанимался через моего человека, так что, где ты живешь, знаю, поэтому дай тебе Бог длинной и счастливой жизни, понял к чему я? – молодой кивнул. – Так что даю тебе время до понедельника. Откажешься – не беда,

со согласишься – дай знать на этом же месте в двенадцать дня в понедельник. Что касается твоего гонорара, то это год работы учителем в престижной гимназии Баку. Прогресс дорого стоит.

Азад уже точно знал, что идти на дело он согласен, а план диверсии созрел в его голове еще в самом начале беседы в салоне автомобиля.

– А зачем ждать понедельника? Я уже согласен, – решительно ответил Азад и рассказал Мамуке свой план. В это время его второе я окончательно вытеснило наивного юношу, ищущего свой жизненный путь. Теперь, испытав ни с чем несравнимое ощущение свободы действий и адреналина от предстоящей авантюры, он знал, на что потратит время, отпущенное ему Аллахом.

– Ну, вот и договорились, отличный план! Одобряю, – сказал Мамука и, блеснув своей странной улыбкой, пожал на прощание руку Азаду.

Грузовой КАМАЗ-5320 ехал по маршруту Баку – ж/д станция Сумгаит, по которому ездил уже полгода. На станции в зоне разгрузки водитель должен был принять товар, который поступает туда каждую неделю из Ростова-на-Дону. Затем, разгрузившись на складе в городе Хырдалан, водитель там же, но в соседнем боксе загружался каучуком и катушками проволоки для изготовления покрышек. После чего возвращался с полученным грузом на шинный завод, находившийся в индустриальном районе Баку недалеко от станции метро Улдуз. Для чего были нужны такие рокировки, водитель не уточнял: надо так надо – начальству виднее. Водитель КАМАЗа не успел доехать буквально четыре километра до Сумгаита, как машину остановил сотрудник ГАИ, но документы были в порядке, беспокоиться не о чем.

– Старший сержант Самедов, – представился сержант, резко приложив правую руку к виску. – Ваши документы! Что везем, товарищ? – спросил сержант, изучая водительское удостоверение, и, не дожидаясь ответа, попросил открыть тент и показать содержимое машины.

– Так нет ничего, – улыбнувшись, ответил простодушный казах Азамат. – На обратном пути будет – вот и проверите, а я опаздываю уже! – попытался отшутиться водитель, так как действительно отклонился от графика: через десять минут он уже должен быть на месте.

– Хорошо! – грозно сказал Самедов и достал рацию. – Дежурный патруль, Трасса 1! Повторяю, дежурный....

– Стойте, стойте, товарищ офицер! Да пошутил я! Уже открываю... Нет там ничего – смотрите. Простите, прошу вас! – перепуганный водитель, в спешке побежал открывать заднюю часть тента.

– Так, а что там, под пленкой? – указал гаишник водителю пальцем вглубь кузова.

– Так нет там ничего! – улыбнулся весельчак казах, но заметив грозный взгляд сержанта Самедова, в спешке полез в кузов.

Самедов последовал за ним и в момент, когда водитель КАМАЗа наклонился, чтобы отодвинуть пленку, резко ударил рукояткой кольта в затылок. После чего связал казаха-водителя, заткнул рот тряпкой и, закрыв тент, сел за руль автомобиля и перегнал его на несколько километров вглубь поля, что находилось рядом с трассой. Там фальшивый сержант Самедов, в роли которого выступал наш герой Азад, сжег поддельные документы и уставную форму, обменянную у беспробудного забулдыги из соседнего поселка, бывшего участкового Раупова.

Все прошло как по маслу, и на следующий день Азад, чувствующий уже вкус денег, доехав на попутках до назначенного места в пригороде Баку, с нетерпением ждал Мамуку. Время шло, работодатель задерживался, минуты опоздания перетекали в час, час перетек в два, затем в три, а того все не было. Азад нервничал, пинал камни, успокаивал себя мыслью, что, даже если что-то пошло не так, Мамука вот-вот появится. Но он не появился даже глубоко за полночь. Расстроенный до глубины души юноша брел домой пешком, прокручивая в голове ситуацию, в которой оказался лохом, ругая себя на чем свет стоит и шаркая ногами по дороге, оставляя за собой клубы пыли. Подойдя к селу, он увидел черно-красное зарево и ощутил запах гари. Он

что-то почувствовал, но не мог понять, что? Это был инстинкт, и, поддавшись ему, Азад решил пойти не по главной улице, как обычно, а в обход. Пробравшись к дому со стороны своего сада, прячась за деревьями инжира и миндаля, он увидел пожарных, тщетно пытающихся потушить его родной дом, соседей, успокаивающих рыдающую мать. Мать стояла на коленях, тянула руки к горевшему дому и то кричала в голос, то рыдала взахлеб. Дом сгорел дотла. Спасти ничего не удалось: ни документов, ни ценностей. Рядом с домом лежала голова любимой овчарки Азада. А на заборе, с внутренней стороны, ее кровью было написано: «Азад, это только начало».

Домой он, естественно, так и не пришел. Мама – суровая женщина, он не понимал, как она переносила выходы отца? Наверное, просто боялась. Но уж его выходы она точно терпеть не будет.

– С мамой все будет хорошо, – нашептывал себе под нос Азад, доставая из шкатулки, спрятанной в сарае, деньги, которые копил пять лет на крайний случай. Там же он спрятал вчера и семейную реликвию – кольт с тремя десятками патронов к нему. – Дедушка и бабушка живут богато, дочку любят. Это они отца ненавидели, а матери помогут, в беде ее не оставят.

На следующий день он отправил маме письмо на адрес бабушки, в котором попросил ее не беспокоиться, и сообщил, что через несколько лет, когда все уляжется, он придет. Затем в порту Нефтяников пробрался зайцем в грузовой отсек на корабль, следующий в Казахстан, и покинул Родину.

Теперь, спустя почти тринадцать лет, он летит домой другим человеком, пусть и с другими паспортными данными, но мечтающим вдохнуть, наконец, воздух родного края. За тринадцать лет он избородил вдоль и поперек весь СССР, Восточную Европу, сменил десятки профессий, провернул сотни авантур... И сейчас его угнетала только потеря колта. Это был не просто пистолет, а часть души, часть его самого, от этого сжималось сердце, и душа была не на месте.

«Ну, ничего, живы будем – не помрем», – успокоил себя Азад и, прижавшись к иллюминатору темечком, заснул крепким, беспробудным сном. Ему снилась Елена – последняя его пассия, которая приехала из Киева отдохнуть в Судак этим летом. С ней он провел много сладких дней и ночей, посвящая ей все свое свободное от работы и дел время. Пожалуй, это была первая девушка, к которой он испытывал смешанные чувства необузданной страсти любовника и нежности отца. В какой-то момент он даже стал задаваться вопросом, а не любовь ли это? Но отбрасывал назойливые мысли, понимая, что где-то в глубине души таится ответ – да, это она. К тому же он был у нее первым, но до начала самого сокровенного события в ее жизни она молчала. В тот первый раз он лежал на кровати в номере гостиницы, она сидела у него на бедрах, склонившись к его лицу, и шептала слова любви о том, как он с первого взгляда покорил ее сердце. Ее густые и черные, как смоль, волосы опускались ему на лицо и грудь. Сквозь них он видел только пухлые и сочные, как спелый персик, губы, сверкающие, как искры от костра, карие глаза. Ее поцелуи сводили его с ума, от них каждый миллиметр тела покрывался мурашками, эйфория окутывала его сознание, затягивая в свой сладкий плен. Во сне все было, как в тот заветный день. Ее образ становился все четче и четче, она так же с детской наивностью шептала ему слова о любви, страсти и вечности. Но потом она остановилась, убрала с лица волосы и, смотря ему прямо в глаза, сказала:

– Азад, не обижайся, но нашего сына я назову Сергей. Я понимаю, что у вас, мусульман, мужчина решает такие вопросы, но для меня это принципиально важно: так завещал мой дедушка. Я не хочу потом перед ним краснеть, я не стерплю такого позора, в отличие от тебя. А-ха-ха, глупый мальчишка, Азад! – сквозь смех она продолжала.

– Что ж ты, жалкий трус, так опрометчиво поступил, а? Испугался за свою жалкую жизнь? Бежал без задних ног и не вытащил пистолет из бардачка? – она смеялась, как ведьма. Азад схватил ее руки, мечтая скорее проснуться, и, перекрикивая ее смех, пытался узнать, откуда она узнала его настоящее имя и о семейной реликвии, но все без толку. – И вообще, у тебя

проблемы, ведь так? Раз мне придется называть сына Сергеем. А-ха-ха-ха! – затем ее лицо исчезло, исчезли волосы, остался овал, внутри которого что-то бурлило, меняло цвета... Потом появилось лицо дедушки, затем папы, затем Мамуки, на шее которого была петля, а сам он был багрово-синим с высунутым языком и закотившимися глазами. Потом снова отец, и все они хором кричали:

– Азад, просыпайся! Вставай! Открывай глаза, Азад!

Он очнулся весь в поту, дыхание сперло, голова шла кругом, он был смертельно напуган. Сплюнув на пол, Азад поднял голову и увидел перед собой трех людей в форме и двух в штатском. Люди в форме держали направленные на него пистолеты, которые сняли с предохранителей в момент его пробуждения. Азад обернулся: двигатели не работали, салон самолета был пуст: все пассажиры и стюардессы вышли. Значит, пока он спал, они уже приземлились в Баку. Он посмотрел на арестовавших его людей. Один из тех, что в штатском, равнодушно смотрел в иллюминатор самолета, видимо готовил в голове отчет. Второй, высокий голубоглазый блондин с огромными мышцами, рельеф которых угадывался под обтянувшей их рубашкой, смотрел на Азада с приветливой улыбкой на лице и не сочетающимися с ней холодными глазами. «Видимо, этот блондин – тот еще шайтан», – подумал Азад, не отрывая взгляда от гипнотических глаз.

– Азад, проснись! Проснулся! Что тебе снилось, Азад? – мягко, но с нотками металла спросил высокий голубоглазый блондин с признаками операции по устранению «заячьей губы» на лице. – Ты так сладко спал! Даже жалко было будить тебя... А-ха-ха-ха.

– Смешно, шайтан? А я думаю, откуда слышу такой мерзкий голос и хохот шакала во сне? А это ты. Представиться не хочешь? – Азад ни при каких обстоятельствах и ни перед кем не менял свой дерзкий нрав, будь то правоохранительные органы или блатной сброд. Да хоть сам дьявол с чертями – в этом был весь он. Свободный.

– Солнышко, да ты не кипятишь, ты еще узнаешь меня! Тебя тут все заждались... Ну, давай, собирайся, и вперед.

Майор Владимир Владимирович Штейн, тот самый высокий блондин, был офицером КГБ по профессии и по совместительству племянником директора завода по изготовлению покрышек. Того самого директора, который наладил аккуратный бизнес с иностранной телевизионной и видеотехникой. Этот бизнес нужен был ему не столько ради наживы, сколько для того, чтобы пощекотать его коммерческое эго. В этом бизнесе были заинтересованы все: и покупатели, и некоторые чины местных служб КГБ. Они получали хороший процент от сделок и являлись потребителями качественной иностранной аппаратуры, ввоз которой строго регламентировался и ограничивался на территории Советского Союза.

После столь дерзкого ограбления директор завода покрышек Александр Васильевич Штейн привлек к поискам воров-лихачей, так дерзко его ограбивших, криминальных авторитетов. Их люди очень быстро нашли Мамуку и его поделщиков. Предприимчивый грузин, провернув дело и в тот же день сбавив товар цыганскому барону, жившему в своей резиденции в партийном кооперативе близ Баку, ожидал на бакинском вокзале тбилисский поезд. Время его прибытия ожидалось в 23:34, а отправление – в 23:59. Но, заметив странных людей, наблюдающих за ним в зале ожидания, он удалился в туалет. Когда те самые замеченные Мамукой товарищи зашли в туалет и увидели своего клиента, висящего в петле, один из них плюнул в раковину, умыл лицо и с иронией заметил, что на поезд тот опоздает точно, но выбор сделал верный. Сумка с деньгами через 23 минуты лежала на столе Александра Васильевича, ровно в 23:59. Остальным двоим повезло меньше. Когда им постепенно отрезали конечности и у них же на глазах скармливали сторожевым псам на территории завода, тогда они и выдали третьего сообщника – Азада. Но ему повезло – он остался жив, успел каким-то чудом спастись бегством.

– Ну, вот, пожалуй, и всё! Вы удовлетворены моим рассказом? – спросил блондин майор, сидя в своем кабинете напротив беглеца, сидящего в наручниках.

– Не совсем, вы не рассказали мне, какой тут ваш интерес?

– Тут все просто, это дело семейной чести. Но, думаю, вряд ли вам известно, что это такое. Тому, кто, спасая свою шкуру, смог бросить мать одну, этого не понять. Но, смею заверить, с ней все в порядке, она жива-здоровая, а вот дедушки и бабушки за эти тринадцать долгих лет не стало. Но мы тут ни при чем – естественный ход жизни.

– Можно еще вопрос? – на одобрительный кивок Владимира Владимировича Азад продолжил. – Что будет со мной?

– Ну, это самый легкий вопрос! – ухмыльнулся майор. – За вами следили последние два года, с тех пор, как Вы объявились в Крыму. Мы ждали удобного случая, собирая досье и пришивая к нему все новые и новые дела. А не трогали вас потому, что, во-первых, хотели накрутить большой срок, во-вторых, сделать это на территории Азербайджанской ССР, а в-третьих, сделать это красиво. Все получилось, как мы и планировали. Моральное наказание вы получили, глядя на пепелище дома, который сгорел у вас на глазах по вашей вине. И я думаю, материально потеряли вы в сотни раз больше, чем предположительно могли бы заработать на этом сомнительном предприятии. Александр Васильевич уже давно остыл, и просьб о вашем физическом устранении не поступало. Соответственно, будем действовать в рамках законодательства. Ты счастливчик! – закончил блондин.

– И сколько мне мотать на нарах, майор? – спросил Азад, глядя в холодные голубые глаза кагэбэшника. – Если учесть все твои заслуги, не считая первой, которой на бумаге не существует, то от двенадцати до восемнадцати. Но, может повезет: дадут тебе минимальный в связи со смягчающими обстоятельствами. А хорошо будешь себя вести, то и по УДО выйдешь.

– Вы сказали про смягчающие обстоятельства, это Вы о чем? – уже в дверях спросил заключенный.

– Вам еще не сказали? – удивился майор. – Жительница Украины, некая Смирнова Елена Васильевна, подала запрос в правоохранительные органы на розыск гражданина Казахской ССР Ахметова Эдуарда. Он через семь месяцев станет отцом.

Глава 4. Тайна Нарвского Замка.

Человечество с самого своего зарождения стало вкладывать огромную внутреннюю энергию в окружающие вещи, создавая различные артефакты, которые наделялись сверхъестественными свойствами. И ведь действительно, есть много фактов, связанных со сверхъестественными свойствам предметов, которые могут творить чудеса, не замечать которые люди не могут, но верить в них напрочь отказываются. Либо наоборот, не задумываясь, не пытаясь их понять, делают из них культ и слепо ему следуют. Но сейчас, в век прогресса, люди стали подходить ко всему с научной точки зрения и во всех необъяснимых сверхъестественных явлениях пытаются найти и понять материальную составляющую изучаемого артефакта. Воздействие, негативное или позитивное, которое оказывает вещь, принадлежавшая тому или иному человеку, называется послесенсорным воздействием. Теория послесенсорного отпечатка основывается на том, что наша энергия имеет свойство передаваться вещам. Трансдукторами и реципиентами, то есть, людьми-передатчиками и людьми-приемниками являются в той или иной степени все люди без исключения. Если трансдуктор обладал положительной энергией, то предмет, который он передал реципиенту, будет благотворно влиять на его здоровье, удачу, благополучие. И сохранит эти свойства в случае его утери, либо передачи другому. То же, только с точностью до наоборот, произойдет, если трансдуктор обладал отрицательной энергией. Поэтому нужно внимательно и осторожно относиться к вещам, которые передаются по наследству, либо достаются по воле случая: ведь кто знает, будет ли новый владелец решать судьбу приобретенной вещи, или же вещь определит судьбу человека.

Диденко Виталий Андреевич, прапорщик ГАИ города Судак, передал разбитую Волгу вместе с актом первичного осмотра представителю местного таксопарка. К акту прилагалась опись имущества, находившегося в машине на момент эвакуации: бытовые вещи, такие как бумажные салфетки, бутылки воды и различные инструменты, в бардачке находились документы на автомобиль, паспорт и справки различного рода на имя гражданина Казахстанской ССР Ахметова Эдуарда Абайевича. Но лежавший в бардачке кольт М1911 в описи не фигурировал. Так же как и шестьсот двадцать три рубля сорок две копейки, которые лежали в бумажнике водителя. И кольт, и деньги прапорщик Диденко присвоил себе. Как потом выяснилось, пистолет был юридически чист по всем имеющимся базам и ни на ком не числился. Сам водитель сбежал с места происшествия и был замечен через несколько часов в аэропорту города Симферополь, где проходил регистрацию на рейс, вылетающий в Баку, по паспорту на имя другого гражданина. Оперативники уже хотели его брать, но по запросу КГБ Азербайджанской ССР операцию по его аресту отменили и дали спокойно вылететь, так как в Баку его уже ждали представители компетентных органов.

Прапорщик Виталий Андреевич Диденко был вполне порядочным человеком, но грешки за ним водились. Когда-то он был отчаянным милиционером, готовым участвовать в самых опасных операциях. Но длилась такая активная деятельность недолго: на одном из таких заданий он лишился левого глаза. Пуля-дура, которую выпустил беглец-преступник отрикошетила от металлической цистерны и угодила ему прямо в глаз. Ему поставили стеклянный протез, а так как в органах он был на хорошем счету, комиссовать его не стали, а перевели из оперативного отдела в ГАИ. Виталий очень быстро обжился на новой должности, поднабрал в весе, и через некоторое время даже стал радоваться таким переменам. Как говорится, все что ни делается, все к лучшему. Пристрастившись с недавних пор к азартным играм, он начал пользоваться служебным положением.

Бывалый гаишник, благодаря своему огромному опыту работы в органах, мгновенно анализировал ту или иную ситуацию, прокручивая все возможные ходы следствия, и если потен-

циальной опасности не было, воровал. Еще несколько лет назад для него это было бы дико и мерзко, но в один треклятый день, взяв в руки карты и выиграв за один час сумму равную его месячной зарплате, он попал в сети азарта, навсегда поглотившие его принципы.

Вот и сейчас он ехал в подпольное казино, находившееся в подвале одной из гостиниц, с настроением отыграться. Он знал, что сегодня именно тот счастливый день, в который он закроет вопрос с картами раз и навсегда, отдав все долги, накопившиеся за пару неудачных игр, да еще останутся деньги на жизнь. Партнеры по игре были рады его визиту и с улыбкой на лице пригласили за стол перекинуться в преферанс. Действительно, Виталию сегодня везло, все вышло так, как он планировал. Он отыгрался и вдобавок заработал приличную сумму в размере двух тысяч рублей. Довольный прапорщик, закончив игру, сел за барную стойку, перекинулся парой слов с местным барыгой Матвеем и удалился с ним в туалет. Там он рассчитывал сбыть пистолет, чтобы иметь деньги на его второе пристрастие – женский пол. Его потенциальный покупатель Матвей, рыжий, слегка сутулый, но крепкий мужчина с беглыми и хитрыми глазами, доверял прапорщику, так как знал его с самого детства.

Осмотрев товар, он с удовольствием выложил за него полторы тысячи рублей и даже не стал торговаться. После удачно проведенной сделки они, как полагается, обмыли ее, выпив по рюмке коньяка, и Матвей удалился из заведения по своим делам. Виталий Андреевич, заприщив за столиком напротив барной стойки высокую знойную брюнетку, заказал ей бокал красного французского вина, а себе двести граммов армянского коньяка. Предвкушая страстную ночь, с улыбкой отъявленного Ловеласа он двинулся было к ее столику, как вдруг послышался шум, выстрелы, крики: «Всем лицом в пол! Работает милиция!»

Злополучное игральное заведение и его посетители находились под наблюдением правоохранительных органов больше года. Следили как за его организаторами, так и за персоналом и игроками. На каждого была заведена особая папка, в которой скапливался компромат. Деятельность прапорщика Диденко помимо милиции рассматривала служба собственной безопасности ГАИ. Ничего серьезного на него не нарыли, так по мелочи, тянуло максимум на строгий выговор. Ввиду заслуг перед Отечеством увольнять бы его не стали, не окажись он в этот день в чертовом казино. Операция по закрытию данного места планировалась на следующий день, но вдруг поступила оперативная информация, что в заведение приехал давно разыскиваемый вор в законе Альберт Ташкентский, и будет при нем и его сообщниках ни много ни мало порядка двух килограммов героина. Упускать такую возможность органы, естественно, не стали, и оперативники, действуя вместе с отрядом бойцов спецназа, немедленно взяли штурмом храм похоти и азарта.

В связи со сложившейся ситуацией Диденко уволили из органов, и, приписав ему все возможные грехи, устроили показательный суд, по решению которого 25 августа 1983 года он был этапирован в колонию-поселение для отбывания наказания сроком на три года два месяца.

Матвей Фартовый, так его звали в криминальных кругах, носил символическое прозвище не зря, ведь заведение которое он покинул, брали штурмом примерно через пятнадцать минут после того, как он из него удалился. Хотя в данном случае везение было ни при чем. Именно Матвей сообщил милиции о прибытии Альберта Ташкентского в казино для реализации партии наркотиков. С жадным вором в законе у него давно были стычки, ведь это Альберт подмял под себя весь рынок по торговле наркотиками в Крыму и в южной части России. В результате Матвей вынужден был либо делиться с ним прибылью, либо терять один из налаженных каналов по поставке гашиша. Поэтому над предложением завербоваться в агенты КГБ он долго не раздумывал и согласился. Это предложение последовало несколько месяцев назад от капитана Синицина В.Г., у которого на одной из полок «созревал» второй том по преступной деятельности гражданина Ляшко Матвея Константиновича. И Матвей рассуждал так: во-первых, в случае чего скостят срок, а во-вторых, главным аргументом был ненавистный вор в законе, что

и явилось определяющим фактором его согласия. Узнав от болтливого бармена о посещении их заведения серьезным гостем да еще и о выделении ему отдельной комнаты для какой-то важной сделки, он понял, что это его шанс. Но вот как понять, что это за сделка? Помог случай. Когда он шел с прапорщиком Диденко в туалет для оценки товара, он услышал разговор двух серьезных грузин, в котором упоминалось о прибытии через полчаса двух вагонов гречки из Ташкента. Провернув сделку с Виталием и выйдя из гостиницы, он позвонил по нужному номеру из ближайшей телефонной будки и, продиктовав адрес, сказал заранее оговоренную на такой случай фразу: «Через пятнадцать минут птичка в клетке». Через десять минут автомобилей такси, дворников и моющих асфальт машин вблизи гостиницы стало заметно больше, а через пятнадцать минут, после кивка швейцара, дворники и водители с автоматами и пистолетами в руках штурмовали подвал, в котором находилось подпольное казино со всеми его посетителями.

Для Матвея все вышло как нельзя лучше: во-первых, прапор, к которому он испытывал дружеские чувства, избавился от серьезных последствий, продав ему ствол, во-вторых, у него есть покупатель на этот кольт, который заплатит за него в два раза больше. Покупателем был один его знакомый эстонский моряк по имени Андрес, который буквально пару дней назад после удачной игры, хорошенько поддав рома, изливал свою душу, кляня в сердцах неверную супругу. Долговязый, нескладный Андрес лил горючие слезы, которые текли по его большому носу и впалым щекам, затем плавно переходили на маленькие тонкие губы, после чего резким движением руки, вытирались рукавом. Отчаявшийся моряк постоянно хватался за голову и трепал и без того росшие в разные стороны волосы, и цветом, и внешними признаками больше похожие на солому.

Он оставил Матвею в залог тысячу рублей и сказал, что тот получит еще две, когда принесет ему «чистый ствол». На вопрос, не жалко ли ему супругу и не проще ли развестись, моряк ответил, что его любовь к ней безгранична, а препятствием является ее любовник, адрес которого ему известен. Жену он трогать не будет.

– Андрес, ты точно уверен? – стоя на причале на следующий день после вышеописанных событий, спросил Матвей у моряка.

– Да, я продумал каждый свой шаг, это сидит у меня в голове. Я закрываю глаза и вижу, как в своем родном городке Нарва поздно вечером я стою на улице Вестервалли рядом с подъездом его дома прямо за массивным дубом, который скрывает меня от случайных прохожих. Он медленно идет со своим лабрадором Томасом, смотрит на него, гладит его по голове и улыбается. В этот момент я выхожу из-за дерева, мое лицо скрывают широкие поля панамы, и я говорю ему «Привет, Бруно! Ну как тебе моя жена?». Не дожидаясь ответа, я поднимаю руку с пистолетом на уровень его лба и, выстрелив ему в голову два раза, хватаю быстро поводок и, посадив собаку в автомобиль, еду к супруге. Собака будет хорошим подарком, мне кажется, она любит лабрадоров. Как ты думаешь?

– Я думаю, парень, что ты псих, и тебе пора лечиться. Впрочем, дело твое. Давай оставшиеся деньги. Вот тебе кольт и пятнадцать патронов к нему. Проверять будешь?

– Спасибо, незачем. Еще успею, – сказал, растягивая слова эстонец-рогоносец, и протянул Матвею оставшуюся сумму. – Рад был иметь с тобой дело.

Конец фразы летел уже в спину уходящему по пристани вдоль берега Матвею Фартовому. Он шел счастливый с набитыми деньгами карманами и задумчивой улыбкой на лице. Легкий морской бриз и гипнотический плеск маленьких волн о каменистый берег очищали его мысли от всей скверны, которая копилась в его сложной и насыщенной приключениями жизни. Он как будто бы уходил от реальности и возвращался в детство, где они с пацанами беспечно бегали по берегу, кидая камни в воду. Он остановился возле фонаря, освещающего небольшую часть берега, и, опершись локтями на мраморный парапет, тянувшийся вдоль набережной, решил немного побыть наедине с собой, наслаждаясь таинственными звуками моря. Но вдруг быстро

промелькнула чья то тень, и резкая боль проникла ему под левую лопатку. Матвей попытался повернуться, но застыл в полуобороте и, опускаясь на колени на обмякших ногах, услышал последние слова в своей жизни: «Привет из Ташкента».

– Привет, Бруно! Ну как тебе моя жена? – спросил любовника супруги вышедший из-за дерева моряк Андрес. Смуглый, коренастый мужчина ошеломленно застыл посреди тротуара и открыл рот, пытаясь что-то сказать, но, не успев произнести и слова, получил две пули в лоб и рухнул на асфальт. Затем Андрес выхватил поводок с собакой из руки застреленного и, посадив ее в новенький автомобиль, сел за руль и спокойно покинул место преступления.

Буквально через пару минут у подъезда собралась толпа зевак, милиция и скорая помощь. Сотрудники правоохранительных органов оцепили место преступления, и молодые следователи, разогнав любопытствующих, в спешке приступили к опросам свидетелей. В городе ввели план «Перехват», администрация устроила экстренное заседание, так как застреленный был сыном секретаря обкома КПСС, и, естественно, убийство расценили как политическое. На тот момент отношение к коммунистическому руководству, назначаемому из Москвы, было крайне негативным, и радикально настроенные граждане зачастую устраивали разного рода провокации. По их мнению, Советский Союз держал их в плену и лишал свободы. Но чтоб убийство... Такой дерзости власти явно не ожидали. Тихий богатый вековыми традициями и историческими событиями город Нарва был очагом спокойствия и равновесия, так как большинство проживающих в нем жителей являлось русскоязычным населением, которое лояльно относилось к властям и вытесняло из своих рядов радикально настроенных диссидентов. Такое событие, как убийство сына секретаря КПСС, могло стать неким призывом к действию оппозиционеров. К тому же все большую популярность среди недовольных слоев населения в республиках Прибалтики набирали эссе, трактаты и прочая ересь знаменитого на весь Советский Союз писателя-диссидента из Чехословакии Вацлава Марии Гавела. Данные факты настораживали верховное руководство СССР, которое всеми возможными способами пыталось подавить дух протеста среди народных масс наиболее подверженных этой политической чуме стран.

– Старший сержант Милиции Иванов Мирослав Сергеевич, – отрапортовал в открытое окно автомобиля работник ГАИ, за рулем которого находился Андрес. – Предъявите ваши документы.

– Без проблем, командир! – со сдержанной улыбкой на лице произнес водитель и, протянув в окно руку, передал все необходимое. – Можно узнать что происходит, в городе ввели военное положение?

Но сотрудник ГАИ вместо того, чтобы ответить, достал рацию и отошел в сторону, держа руку в полной боевой готовности на кобуре пистолета. Андреса бросило в пот: «Вот и все, приплыли!...» Главным вопросом, которым он задавался в тот момент, было: «Доставать пистолет, или все-таки пронесет?»

– Хороший аппарат, новенький! – одобряюще кивнул на автомобиль сержант, передавая документы обратно. – Счастливого пути и поаккуратней.

– Слушаюсь, товарищ старший сержант! – произнес доброжелательно Андрес и поехал дальше.

Проезжая по улице Линнуса вдоль набережной реки Нарва, он свернул возле «замка Германа» и припарковал автомобиль напротив внешней стороны его северного двора. Забравшись по склону вверх к восточной части стены замка, он отодвинул прилегающий к ее основанию камень, за которым скрывалось несколько более мелких камней, из которых и состояли стены крепости. Андрес зацепил один из них и аккуратно его вытащил. Обтерев пистолет тряпкой и завернув в полиэтиленовый пакет, он просунул его вглубь отверстия, затем, вернув все на прежнее место, спустился к автомобилю, сел за руль и поехал в сторону дома, где его ждала любимая жена. Выбрасывать кольт в реку Андрес не стал, жизнь штука длинная, может еще

пригодится, а место, где он был спрятан, проверено годами: еще с детских лет этот тайник был сокровенным местом всех его драгоценных вещей, начиная с сигарет, спрятанных от родителей, заканчивая аудиокассетами запрещенных западных исполнителей. «Подарок», сидящий на заднем сиденье, поскуливал, видимо, хотел есть.

Весть о смерти Бруно мгновенно облетела весь город, транслировалась по всем местным телеканалам и станциям. Портрет, нарисованный со слов случайных свидетелей, был расклеен по всему городу и мелькал по телевизору каждые пять минут. Хелена, супруга Андреса, узнав в этом портрете своего мужа, испугалась, что ее ожидает та же участь. Она тут же позвонила в милицию и дала показания приехавшим оперативникам, рассказав о своей связи с Бруно, которая привела к трагедии.

Припарковавшись рядом с подъездом своего дома на улице Лидии Койдулы, Андрес неспешным шагом подошел к входной двери и, насвистывая песню, набрал код домофона. Открыв входную дверь, он увидел картину, которая никак не входила в его планы, он даже выпустил из рук поводок с собакой. Перед ним стояли несколько сотрудников милиции с наставленными на него дулами пистолетов. Андрес обернулся, увидел точно такую же картину позади себя и со словами: «Видно не судьба!», – потянулся во внутренний карман куртки. Изрешеченный пулями, он успел произнести только одно слово: «Сигареты!» – и упал на землю лицом вниз. В кармане действительно обнаружили запечатанную пачку сигарет и больше ничего. Он бросил курить год назад, но сегодня точно знал, что обязательно выкурит одну: после такого дела это уже не тянет на грех. Однако мысли о встрече с женой напрочь отвлекли его от данной затеи, он не виделся с ней два месяца и ехал домой на новеньком авто с подарком в виде лабрадора, которого она хорошо знала, что само по себе являлось сюрпризом. Она должна была всё понять и осознать – третьего лишнего в их отношения уже нет, все вернулось на круги своя: у них теперь есть собака и новая машина, о которой она так давно мечтала. Машину, кстати, он купил точно такую же, как у Бруно – и цвет, и марку. А прошлое... Что такое прошлое? Прошлое это пыль, его нет, и никогда не было. Прошлое – это миф! Хелена должна была принять сложившуюся ситуацию и смириться, ведь другого выбора у нее уже не было. Но задумку выкурить сигарету он так и не реализовал, как и мечту о счастливой семейной жизни.

В заключение этой истории осталось сказать, что у застреленного Бруно была супруга, которая знала о его интрижках на стороне, но ради двух детей и социального статуса закрывала на измены глаза. Она приехала той же ночью, позвонила в дверь квартиры Андреса и Хелен, молча забрала любимца семьи – лабрадора Кени – и уехала домой.

На этом цепочка событий, связанных с кольцом Адам-Эд Брауна, временно прервалась. Он мирно покоился, похороненный в стенах древнего готического замка, первое упоминание о котором появилось еще в 1329 году. Нарвский замок (замок Германа) хранил мириады тайн куда более серьезных, чем тайна покойного Андреса, ведь он пережил сотни режимов властвующих элит, видел множество заговоров и смертей. И сколько еще тайников, кладов и схронов хранится в его стенах и подвалах! Все они ждут своего часа быть открытыми. Так же, как и кольцо.

Глава 5. Предсказание.

*Бог Вездесущ. Его руки, ноги, рот, лица
везде и пронизывают весь космос.
Есть ли необходимость искать его?
Подобные поиски можно назвать глупостью.
Все формы Бога – в вас
Любое время благоприятно для осознания этого.
Сатья Саи Баба*

Пансионат «Новый Свет» расположен в большой можжевельниковой роще, спускающейся уступами к морю. Такого воздуха, как в этом дивном своими пейзажами и богатым своей историей месте, нет, пожалуй, нигде. Напоенный фитонцидами сосен и можжевельников, ароматами трав и морскими солями, он заставляет людей жадно вдыхать себя. Древние греки называли это место «Парадиз», что означает «рай» и полностью соответствует действительности. Живописные мысы с красивейшими природными бухтами – зеленой, синей и голубой – не оставят равнодушными даже самых пресыщенных путешественников, повидавших множество чудес света во время своих странствий. Горные тропы, множество ущелий и пещер, многочисленные гроты, чистота моря и безумно красивый подводный рельеф поразили Виктора и Божену до глубины души. Князь Лев Сергеевич Голицин не прогадал с местом, когда приобретал здесь в 1878 году имение и более двадцати лет налаживал в поселке производство шампанского, создавая грандиозное винодельческое хозяйство. Именно здесь проснулась жажда к приключениям у Александра Грина, который в произведениях, наполненных тоской по совершенству человеческих отношений, с самозабвенным упоением описывал необыкновенную природу и красоту Крыма.

Днем Виктор и Божена поднимались в горы, чтобы часами созерцать поражающие своей красотой пейзажи и наслаждаться легким бризом, пропитанным запахом можжевельника и морской солью. Затем пробирались узкими тропинками к диким пляжам и плавали в теплом, кристально чистом море. Вечером, наслаждаясь чудесным вином и наблюдая за тающим отражением уходящего солнца на поверхности моря, сидя в шезлонгах, они рассуждали о жизни, об искусстве, религии, все глубже постигая друг друга. Ведь именно в такие моменты, когда люди поднимаются над будничной суетой, над бытом, видно, насколько они внутренне близки, насколько они подходят друг другу. В такой обстановке их души открыты красоте, гармонии – Богу. В один из таких вечеров около них появился странный старик, внешне похожий на якута, но облаченный в индийское мужское одеяние дхоти – белый длинный отрез ткани с золотой вертикальной полосой с непонятными знаками. Он был невысокого роста, лысый, с длинной бородой, смуглый. Лицо его выражало исключительную доброжелательность, несмотря на специфические шрамы и морщины, характерные для людей, проповедующих воссоединение с дикой природой и скитальческий образ жизни. В глазах его читалась мудрость и смирение, такой взгляд редко встретишь среди европейцев, американцев и россиян, погруженных в заботы о делах насущных. Как правило, обладателями таких глубоких глаз, познавших суть жизни и замысел Бога, были тибетские монахи, проповедники индусы, старики-горцы. Виктор, несмотря на свое скептическое отношение к различным религиозным догмам и культам, а тем более к их пророкам и проповедникам, почувствовал странное ощущение при появлении этого необычного человека. Такие ощущения люди испытывают, когда чувствуют, что с ними сейчас произойдет что-то важное. Вот такое же чувство испытал Виктор в момент появления старца.

– Добрый вечер, друзья, позвольте отнять немного вашего времени! – обратился старик к молодоженам.

– И вам добрый вечер! Да, пожалуйста, мы вас слушаем, – ответил Виктор, немного замешкавшись, но все же согласившись, поймав одобрительный взгляд смущенной супруги.

– Если не возражаете, я хотел бы пообщаться с вами наедине, – виновато посмотрев на Божену, обратился он к Виктору. – Вы уж простите меня, старика, прекрасная пани, но мне необходимо буквально на полчаса оторвать его от ваших божественных чар, – с завораживающей улыбкой и обезоруживающим своей добротой и искренностью взглядом обратился он к Божене.

– Да, почему бы и нет. Я все не могла найти времени почитать книжку. Меня роман Грина «Блистающий мир» уже сколько ждет! А тут вдруг появляетесь вы, и теперь у меня есть такая возможность! Если муж, конечно, не против! – приветливо ответила она и после одобрительного кивка Виктора, поцеловав его в щеку, неторопливо отправилась в сторону гостиницы.

– Я вас слушаю, – допив бокал вина, немного настороженно обратился к неожиданному гостю Виктор.

– Пожалуйста, выслушайте меня от начала до конца, не перебивая и не останавливая, даже в том случае, если мой рассказ покажется вам полным бредом, не заслуживающим вашего внимания. Договорились?

– Да, конечно, раз уж на то пошло, то позвольте я налью себе еще бокал вина. Вас угостить? – предложил Виктор старику.

– Спасибо, Виктор, но нет, – сказал старец удивленному собеседнику. Виктор тут же стал вспоминать, представлялся он ему или нет, но потом вспомнил еще один странный факт. Старец почему-то обратился к Божене: «Прекрасная пани» – откуда он узнал? Беседовали они исключительно на русском языке. Может акцент конечно выдал... Но старик вывел его из задумчивости продолжением своего рассказа. – Зовут меня Амит Кришна, это мое сегодняшнее имя, значение ему Бесконечность, – размеренно произнес странный гость. Его слова вызвали ироническую улыбку на лице Виктора. Но вечер был прекрасен, и он уже внутренне смирился с тем, что придется слушать весь этот нелепый бред безумного старика якута, скитавшегося по миру и нахватавшегося бредятины у странных индусов.

– Раньше когда-то, много лет назад, жил я в далекой Якутии, рос в маленьком кочевом племени в семье шамана, и звали меня Кэскил. Как-то раз, когда я возвращался с зимней рыбалки домой, лед вдруг разошелся передо мной, я провалился под воду и начал тонуть, из последних сил пытаюсь выбраться на поверхность и зовя на помощь. Было ощущение, что в мое тело проникли тысячи ножей, настолько сильно его обжигала ледяная вода. Я мысленно попрощался с жизнью, закрыл глаза и отпустил кромку скользкого льда – свой единственный шанс на спасение. Но вдруг яркая вспышка света ослепила меня, и я услышал голос, который поведал смысл моего предназначения и множество великих тайн мироздания. Когда голос исчез, я погрузился во тьму, но она постепенно растворилась, я снова увидел этот мир, но было ощущение, что смотрю на него под другим углом зрения, как на картинку, и могу делать с ним все, что угодно. Проходя сквозь горы, океаны, проникая внутрь равнин и выходя на другой стороне Земли, я понял, что уже не просто человек, а существо, способное преодолевать любые измерения. Когда я познал свои сверхвозможности, то снова услышал голос Бога, который посвятил меня в Хранители Земли и поставил передо мной великую цель – уберечь планету от разрушения. Затем снова темнота, я открыл глаза и оказался в человеческой плоти, но уже не в Якутии, а в Индии. Это было мое второе рождение.

Восстав, словно Феникс из пепла, я возродился под новым именем Амар Раджи, которое дал мне Всевышний, подарив бессмертие. Я скитаюсь по Земле очень много лет и обладаю даром многоликости. Этот дар позволяет мне пребывать в разных образах и в любой момент стать кем угодно, быть везде и во всем. Благодаря своим новым возможностям, я предотвратил много войн на земле, а с ними ужасные беды, которые они сулили. Когда я засыпаю или пребываю в медитации, мое тонкое тело покидает плоть, окутывая всю Вселенную и проникая

в каждого человека, животное и насекомое. При помощи дара от Всевышнего я могу стать внутренним голосом любого существа на Земле. Каждый живой организм нашей Вселенной – это составляющая единой божественной энергии, и когда-то давным-давно, много тысяч лет назад, каждый из нас обладал такими способностями, но всё изменилось, и теперь это открыто только мне.

– Стоп, стоп. Ладно, я могу закрыть глаза на разные фантастические истории про то, как вы провалились под лед, после чего оказались в Индии. Представим, что это был выход в другое измерение, какая-нибудь дырка в пространстве или во времени. Но вот последние ваши суждения – это прямо, так сказать, претензии на вашу Божественную суть! Я так понимаю, что сейчас с Богом общаюсь? Извините, конечно, меня за некорректность, ведь я обещал не перебивать вас, но все же это меня возмутило! – с легкой неприязнью в голосе и ухмылкой на лице воскликнул Виктор.

– Как говорил один из моих учеников: «Божественность присутствует во всех оболочках тела. Она есть постоянное целостное осознание в различных формах речи, действиях и чувствах». Бог в каждом из нас, а если так, то почему бы не сказать, что каждый из нас Бог? Я не собираюсь показывать вам чудеса, цель моя сегодняшняя не в том, чтобы что-то доказать, а в том, чтобы поведать истину, которую Вы должны знать, – так же спокойно и размеренно произнес старик, не теряя легкости улыбки и безмятежности в глазах, несмотря на сарказм слушателя. – Прошу вас, выслушайте дальше, осталось совсем немного. Хорошо?

– Да, хорошо, я готов, продолжайте! – ответил Виктор, подливая вино в бокал.

– Сегодня, во время утренней медитации меня посетил Всевышний и дал мне новое имя, которым я вам представился – Амит, тем самым лишив меня бессмертия и подарив вечность. По его замыслу мне осталось жить среди людей до тех пор, пока я не передам свою миссию преемнику, затем я растворюсь в бесконечности и никогда больше не воплощусь в материи. В индуизме такой этап перехода жизни из одной формы в другую, затем в последнюю – совершенную, называется стадия конечного освобождения из цикла сансары, по-другому – нирвана. Изъясняюсь я с вами этими терминами, потому что индийский народ и другие народы Азии совершенствовались в духовном развитии тысячи лет, преуспели в нем и достигли больших высот, в отличие от остального населения Земли. Ведь одна его часть выбрала путь технического прогресса, другая застряла на первобытном уровне, а к духовному совершенству так и не пришли. Но и мантрам буддистов так же далеко до идеала, слишком много еще предстоит узнать человеку на пути познания Бога и своей божественной природы.

Скоро на Земле родится Хранитель сила которого будет стократ выше моей. Появившись на свет, новый Хранитель Земли заберет две судьбы, давшие ему жизнь, что сделает его еще сильнее и направит на тернистый, сложный путь, который приведет его к «призме Создателя». Чтобы объяснить вам суть божественного лона на земле более доступно, я ввел термин «призма». Вы, конечно же, знаете про свойства дисперсионной стеклянной призмы в спектральных приборах, в которую входит монохромный луч света, преломляется в ней, и на другой стороне выходит излучение с различными по длине волнами и разных цветовых палитр. Таким же эффектом обладает место, в котором зародилась и начала процветать жизнь на земле. Питаясь от энергии Вселенной, призма излучает новую, другую энергию, которая создала наш мир таким, каким мы его знаем. Энергия Вселенной, не воспринимаемая физическими органами чувств человека, поступает в так называемый приемник, расположенный в сокровенном месте нашей планеты. Он, в свою очередь, трансформирует ее, создавая на выходе все необходимые условия для существования жизни на Земле. Именно благодаря данному процессу существует гравитация, озоновый слой, Земля крутится с определенной скоростью и находится на оптимальном расстоянии от Солнца, тем самым создавая благоприятные условия для функционирования живых организмов. Помимо всего, что нас окружает и способствует нашему жизнеобеспечению, есть огромное количество разных временных, пространственных измерений и

параллельных миров, находящихся у нас под боком, но не доступных нашему видению, при этом напрямую влияющих на существование планеты в целом.

Бесконечность, в том виде своего существования, который мы себе представляем, появилась следующим образом: Создатель изначально породил себя, а потом Вселенную, растворившись в мириадах частиц, каждая из которых зародила на всех существующих планетах и галактиках жизнь, в той или иной форме. Для функционирования Вселенной Бог создал энергию, которая питается бесконечностью и непрерывно создает новые миры, обеспечивая жизнью созданные ранее. Так как Всевышний есть во всем, что породил, контролировать энергию не было смысла, ведь он сам являлся ее создателем, а она была его частью. В далекие времена, когда жизнь на Земле только зародилась, появившиеся на свет люди обладали безграничными возможностями. Они находились рядом с Божественной Призмой и являлись четырехмерными и более существами, жившими в месте, которому люди приписывают разные мифические названия, такие, к примеру, как Гиперборея и Атлантида. Эти перволуды были вездесущи, как и я, и могли жить сколько хотели, пока не достигали последнего уровня своего развития. Когда к человеку приходило осознание того, что пик развития был пройден, он сам принимал решение о том, чтобы покинуть свои материальные оболочки и, растворившись в бесконечности, соединиться с Богом. Но в какой-то момент люди почувствовали себя всемогущими, самодостаточными, уверенными, что могут обходиться без Бога. И в этот момент произошел сбой, подобный короткому замыканию в электрической цепи, и всё пошло не так. Создания, обладающие неограниченным разумом и бесконечными возможностями, вдруг потеряли божественный дар восприятия мира и Вселенной, видение четырехмерного и более пространств. Мир начал погружаться в хаос. Бог в нас, Бог везде, Бог во всем, но с недавних (по меркам Вселенной) пор из-за скачка энергии мы перестали Его чувствовать и быть Им. Теперь мы больше похожи на автоматизированные марионетки, воссоединяющиеся с Богом только после потери телесной оболочки. И то не все.

В связи с этими событиями на Земле появилась необходимость в Хранителях. Нам их посылает Бог в тот момент, когда негативная энергия, возникшая в результате скачка, назовем ее «энергия Хаоса», угрожает всему живому на планете. По замыслу Всевышнего каждый организм, планета, галактика, прежде чем перейти в форму бесконечности, должны пройти все отмеренные им стадии. Если они уходят раньше, то энергия Хаоса растет и усиливает свое влияние. Человечеству эта энергия известна, как феномен «черная дыра». Чем больше черные дыры, тем больше энергия Хаоса и меньше энергия Бога. Любое событие, случившееся во Вселенной, оказывает влияние на всё происходящее. Так, преждевременная смерть муравья, растоптанного юношей, может стать переломным фактором в балансе энергий, и мир погрузится в хаос. Любой наш самый незначительный поступок под действием негативной энергии может привести к необратимым глобальным последствиям. Появление на Земле в разные времена мессий-хранителей известно нам как из мифов, так и из религиозных писаний многих народов. Они приходили для того, чтобы привести в порядок баланс энергий и уходили тогда, когда их миссия была выполнена. А на их месте рождались новые. Мое время служения на Земле подошло к концу, но я не могу уйти, пока не родится новый Хранитель великой энергии. По воле Всевышнего, ему уготовано родиться в вашей семье. Таков Божий замысел. Появление на свет вашего сына обречет вас на погибель. Бывает такое, что в бесконечной Вселенной могут потухнуть две звезды ради появления на их месте одной новой, которая сиянием своим затмит свет тысячи подобных. Находясь в призме, он станет подобен Богу и будет оставаться в ней до тех пор, пока необходимость в защите Земли не пропадет. Грядут большие беды, грозящие нашему миру апокалипсисом, который вашему сыну суждено предотвратить.

Наш разговор подходит к концу, как говорится, время собирать камни. Явился я не ради того, чтобы испугать вас, а чтобы подготовить к тому, чтобы вы с достоинством приняли дар, который уготовил на вашу долю Всевышний. Первой этот мир покинет Божена. Она получит

высшую награду: избавиться от круговорота Сансары и, освободившись от ее плена, станет бесконечностью. Затем ваш черед, но он наступит несколько позже, таково испытание, Виктор. Вас будут одолевать адские муки и стенания души, так как любовь ваша чиста и безгранична. Разные помыслы будут посещать сознание, множество голосов будут говорить внутри вас, подталкивая к избавлению от мук путем лишения себя жизни. Но знайте, самоубийство – это самый страшный грех из существующих грехов. Когда человек умирает, энергия его жизни перерождается в энергию смерти, которая затем может либо дальше перерождаться в другую жизнь, либо, достигнув совершенства, раствориться в бесконечности, что является высшим благом. Но когда человек совершает самоубийство, он убивает в себе Бога, и его душа становится частью энергии Хаоса и усиливает его. Каждый раз, когда происходит, что темная энергия становится сильнее, она постепенно вытесняет чистую энергию. Я заглядывал в будущее и видел множество возможных вариантов вашего ухода из жизни, поэтому решил предостеречь от роковой ошибки. Когда скверные мысли будут посещать вас, смотрите на сына и живите ради него до последнего вздоха. Я в свою очередь буду являться вам в сновидениях и напоминать о том, что вы, маленький человек, должны выдержать огромные испытания, посланные вам судьбой и вынести свой крест до конца. Вы забудете меня и не будете помнить наш разговор. Но сны, которые будут вам сниться в трудный момент жизни, подсознательно напомнят обо мне и уберегут от непоправимого. Знайте, от Вас зависит не только судьба сына, но и всего человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.